

YAM publishing

Глеб Васильев

Игрушка белоглазого чу

повесть временных душ

Глеб Андреевич Васильев

Игрушка Белоглазого Чу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22476944

Аннотация

Лёня Пузырьков и Геша Друзилкин – молодые люди, безоговорочно преданные Искусству. Они чувствуют в себе достаточно сил, чтобы бросить вызов Вечности и покорить Вселенную, хоть те о них слыхом не слыхивали. На что способны двое бездельников, если свободного времени полно, в головах тесно от мыслей, а в руках – шариковая ручка? Расставить все по местам и перевернуть вверх тормашками! Написать роман, гремучий коктейль из реальных лиц и выдуманных персонажей в хитросплетении правдивых и фантастических сюжетов, признающих лишь одну власть – Фантазию! Но, увлекшись игрой, неопытные писатели-демиурги изменяют окружающую реальность росчерком пера, границы между обыденной жизнью и писательской выдумкой стираются. Теперь Лёне и Геше придется хорошенько постараться, чтобы не только закончить начатое повествование, но и самим остаться в живых! Они лицом к лицу столкнутся с физическими муками творчества, переселением душ и укрощением кровожадных монстров. Проверят дружбу ревностью, талант голодом, а любовь – жизнью. Лишь пройдя все испытания в бушующем океане вырвавшихся из-под контроля событий, они узнают ответ на

главный вопрос – если мир вокруг выдуман, то кто выдумывает
выдумщика

В тишине вдруг на дне
Горе зашумело
И за что это мне,
Я спросил несмело
Свет иссяк, умер день,
Ночь похоронила
В темноте Горя тень
Зычно голосила
Вдруг кошмар мой вспыхнул огнем
Столько лет я не помнил о нем
Я с суровой спорил судьбой
Ради новой жизни одной
Но уже не займется заря
Все надежды – все было зря
Все мечты мои – все было зря
Все напрасно было
Рядом ты, мы вдвоем
Я не жду пощады
В сердце боль, в горле ком
Горечь едкой правды
Кто не жнец, тот мертвец,
Горе говорило,
Успокойся, глупец,
Все напрасно было

Т.О. Поносин, «Блюз Фаталиста» из художественного

∞. Балаганчик

Признаться, не люблю гениев. От них веет могильным холодком. Вполне закономерно, ведь гений будет жить в веках, большинство из которых проведет в могиле. Такой вот парадокс – сотворил нечто гениально и можешь считать свою смерть свершившейся. Гении спят исключительно лежа на спине – точно в такой позе они будут существовать после смерти, под землей. С посредственностями совсем другое дело. Они искренни, теплы и подкупающе сиюминутны. Живут здесь и сейчас – им, в отличие от гениев, доступ к жизни после смерти закрыт, поэтому в краткий миг своего существования они выкладываются по полной программе. Это гению нужно цедить себя почуть-чуть, чтобы на вечность растянуть. Посредственный созидатель подвижен, смешлив и наивен, не к месту многословен – краткость не его сестра. Его мысли, горе и радости просты и понятны. Интересы посредственности лишены экзотичности, извращенности и всяких изощрений. Его раздражает реклама, мучает похмелье и огорчают близкие. Кто, как не он достоин приза зрительских симпатий? Он неотличим ни от кого, кроме гения, который, как мы выяснили, изначально где-то – ту-ту – там, за горизонтом, на седьмом небе или пятом кругу ада. Так, все, с этого момента оставляем Кесарю его сечение и о гении

ях больше ни слова – о мертвых либо хорошо, либо никак. Всей душой надеюсь, что в результате у меня выйдет что-нибудь средненькое, не рыба, не мясо.

Вот я и куколок подобрал. Надеюсь, они моих ожиданий не обманут. У вас в детстве были куклы-варежки? Надеваешь куколку на руку – головка налезает на указательный палец, а ручки – на большой и средний. Прижатые к ладони пальцы – мизинец и безымянный – тоже задействованы. Они изображают животик куклы. А ногами вашей ручной марионетки, тут уж ничего не поделаешь, придется быть всему тому, что не влезло в варежку. То есть, вам целиком, за исключением кисти руки (или рук, если вы натянули по куколке на обе руки). Если в детстве у вас были такие игрушки, то вы должны знать – как только наденешь эту волшебную варежку, нужно сразу же начинать представление – разговаривать с ней и за нее. Мои друзья-куколки заняли свои места, балаганчик открывается.

1. Демиурги

Графомания – (от греч. grapho – пишу, черчу, рисую и греч. mania – безумие, исступление), болезненное влечение к усиленному и бесплодному писанию, бесполезному сочинительству.

Большая Советская Энциклопедия.

– У меня тоже когда-то было пальто, – Пучеглазик смялся в мечтательном прищуре.

– Эй! На что это ты намекаешь? – насторожился из-под челки Пачкун. – Хочешь сказать, что я пальто у тебя подрезал, пухлячок?

– Нет-нет, что вы... – Пучеглазик взморгнул. – Я вовсе ничего такого и не думаю.

– Молодец! Правильно делаешь, что не думаешь, – скрипнув добродушной улыбкой, Пачкун ковырнул в носу. – Это пальто я стащил у одного чумадана.

– У кого, простите? – непонятливый Пучеглазик дурашливо раззявил варежку и поднял бровки.

– Не твое собачачье дело, – клацнул Пачкун. – Но можешь не сомневаться, скомуниздил у персонажа весьма достойного и высокоморального.

– А-а-а, – Пучеглазик разгладился и просветлел ликом»

«А что, классно получилось. Написано так сочно, вкусно, слюнки текут – спасу нет. Представляешь себе пухлячка Пучеглазика – персонажа, наделенного гуттаперчевой мимикой и внешностью целлулоидного пупса, так и хочется его за щечку пожать. Нежненько, но чтоб почувствовал, захлопал удивленно блюдцами глазенок и пробормотал смущенное «ну что вы в самом деле». А можно и посильнее, грубо-

вато так стиснуть, чтоб ущип сперва побелел, а уж потом, когда хваточку чуть ослабишь, кровушка к нему прилила и нарумянила, как бочок бархатистого персика. Хочется, ведь правда же? Пучеглазик, глупыш такой, обиды незаслуженной не поймет и проглотить всю не сможет – захлюпает курносой конопушкой и в слезы. А ты ему «ну, маленький, ну, тихонько, ну, спокойненько». Он еще посопливится чуточку, да успокоится, хотя казалось с чего бы. Посмотрит только доверчиво так, будто проверяя, не уловка ли. Не хватанешь ли ты его снова за ту же щечку болезненно. А до него уж дела никому нет – ишь чего, щипать красавца такого – заняться больше нечем. Фи! У нас же тут еще один персонажик симпатичный своей очереди дожидается – Пачкун. Тощий, зеленый и колючий, как растение декабрист, мирно засыхающее в треснутом горшке на кухонном подоконнике. Мандрагора, тьфу ее. Кочевряжистый такой, небрежный, но беспонтовый по замыслу. Спрашиваешь его «милок, чёй-то ты такой подузоватый?», а он набычится «а те-то чё?». Ты ему «подузоватый-то чего, ухряпок?», а он то ли совсем в несознанку уйдет, то ли в бычке ошетинится».

Разглядывая, ощупывая и пробуя на зуб своих новых героев, Геша Друзилкин не заметил, как в комнату сквозь неплотно прикрытую дверь проскользнул Лёня Пузырьков.

Пузырьков подкрался к Друзилкину и что есть мочи гаркнул ему на ухо: – Привет!!!

Геша испуганно подпрыгнул вместе со стулом, чем доставил Лёне немалое удовольствие.

– Привет творческой интеллигенции, – уже нормальным голосом сказал Пузырьков. – Опять бумагу мараешь?

– Да ну тебя, – Друзилкин в отместку за пережитый испуг решил не здороваться. – Сам ты бумагу мараешь, а я – творю.

– И что за тварь из тебя на сей раз из тебя вылезла? – Лёня уселся на письменный стол – единственный стул в комнате был занят Гешей.

– Смотри, какие персонажи вылупились, – Друзилкин сунул листок с только что написанным диалогом под нос Пузырькову. – Как живые – тепленькие, трехмерные.

– Пучеглазик и Пачкун, – Пузырьков пробежал ленивым глазом по строчкам и цокнул языком. – Ну, если «спокойной ночи, малыши» тебя с таким сценарием пошлют в дырочку, то придется запереться в сортире и проглотить свинцовую пилюлю, как того требует честь офицера запаса.

– Не надо завидовать. Мусью, ваша шпага коротка и тупа, ранить меня ею, увы, шансов нет, – Друзилкин вырвал исписанный листок из рук Пузырькова.

– Не по адресу, – Лёня цинично испортил воздух. – Пусть тупа, пусть коротка, но ранить вас – увольте. Я не пидорас.

– Ишь ты, какая рифма, – Геша брезгливо повел носом.

В незапамятные времена (лет пять-шесть назад) Друзилкину и Пузырькову случилось оказаться в одном институт-

ском потоке. Во время учебы друзья жили в одной комнате общежития, разбавляя присутствие друг друга и неизбежное отсутствие баб дешевым портвейном. Геша Друзилкин умещал себя целиком (с ручками и ножками) в небольшой коробочке, обернутой цветастой бумагой и повязанной пышным бантом – именно так выглядела его мечта стать культовым писателем. Хотя, нет, не совсем так. Начав сочинительство в школьные годы, к настоящему моменту Друзилкин считал себя писателем состоявшимся. С высказыванием «все мы выросли из гоголевской «Шинели» Геша соглашался. Шинель жала ему в плечах, пуговицы на животе не сходились, а рукава едва спускались до локтевых сгибов. «Эх, коротка шинелька» – шутливо жаловался Друзилкин, тайно тоскуя об отсутствии наряда, который пришелся бы ему в пору. Страшно и неуютно вырасти из чего-то старого, доброго и теплого, но так и не дорасти при этом ни до чего соразмерного. Коробочка же, в которой он заключался, была мечтой о ПРИЗНАНИИ его культовым писателем.

Пузырьков оправданий собственному существованию не искал и мечты как таковой не имел. Чувствуя моральное превосходство Геши (талант и все такое), Лёня охотно читал его писанину и вольготно чувствовал себя в роли критика культового писателя. После получения диплома Друзилкин устроился помощником мастера в автосервисе. Работа, заключающаяся в подаче отверток и походах за пивом, позво-

ляла Геше покупать каждую неделю пачку писчей бумаги, десяток шариковых ручек и оплачивать съемную комнатку незначительного метража. Пузырьков, не смотря на живость воображения, работы для себя не представлял, поэтому поступил в аспирантуру, оставшись жить в общежитии.

– Потерпел бы пару-другую месячишек каракулями пестрить, купил бы на сэкономленные средства компьютер с текстовым редактором, – Лёнино лицо распахнулось в зевке. – Прикинь, сколько ты бабла на бумагу со стерженьками извел. И где это все? Пузырьков пнул корзину, переполненную скомканными, изжеванными и порванными листками бумаги.

– Как только продам душу дьяволу, первым делом компьютер организую, – пообещал Геша. – А пока я творю. Шедевры рождаются в муках переписывания. Слыхал, что рукописи не горят? То-то и оно. А про кучки безмозглых байтов мне и думать тошно. На компьютере можно печатать, но не создавать. Герои должны оживать на бумаге раньше, чем высыхают чернила.

– Настолько ни о чем, что и возразить нечего. Ни руки не горят, ни писи...

– Так чем тебе Пучеглазик с Пачкуном не глянулись? – Геша надорвал упаковку новой пачки бумаги, вытянул белоснежный листок, покрутил его и так и сяк, чем-то расстроился и смял в шуршащий комоч. – Я думал про них цикл

рассказов набабахать. Такая, знаешь ли, комедия положений – Пучеглазик чего-нибудь ляпнет, а Пачкун его тут же по понятиям разводит. Типа юмор: «Пучеглазик: с облегчением. Пачкун: да какое там – больше руки да жопу перемазал, чем посрал».

– Дык, это... – Лёня смолчал определение. – Не цепляет, короче. Детский сад. Ты бы еще про розовых слоников или говорящих ёжиков сказки писать начал.

– А какой персонаж тебя, как среднестатистического читателя, цепанул бы за ухвостье? – Друзилкин копнул мизинцем уголок глаза и поспешно добавил: – я просто так интересуюсь, в антропологических целях. Настоящих культовых писателей среднестатистическому читателю один хер не осилить – желудок слабоват, заворот кишок сделается.

– Не буду я у тебя сахарную косточку отнимать, Гешечка. Это ты писатель, вот сам персонажей и выдумывай. Ты пиши, сочиняй, а я тебе со всей прямотой, как другу, расскажу, что гэ, а что не гэ.

– Была у меня как-то задумка про крыс написать, – Геша дернул из-за уха шариковую ручку и задумчиво лизнул колпачок. – Тоже такая смехучка: Мери Крысмас и Крыс Де Бург кидаются друг в дружку колкими фразочками и сыпят шуточками. Еще думал как-нибудь обыграть каламбур «Lady in red» и «Lady and rat».

– Не, не то, – Пузырьков прикрыл веки. Минутку посидел молча. – Нужно что-нибудь жизненное. Выбрать само-

го обыкновенного героя и швырнуть в гущу событий. Чтобы понятно стало – на его месте мог оказаться каждый.

– Обыкновенного, говоришь? – Друзилкин оторвался от стула. – Лёночка, как ты думаешь, кто может быть самым обыкновенным, будничным, серым, восьмичасовым без учета обеденного перерыва, бесхитростным, сермяжным, односкатным, квадратно-гнездовым и тупорылым персонажем?

– Ты думаешь о том же, о ком и я? – глаза Пузырькова загорелись.

– Пузднецов! – с видом пифии, возвещающей приговор оракула, воскликнул Геша.

– Точно! – Лёня взъерошил волосы на голове Геши. – Лучшее персонажа не придумаешь. Геш, главное, про него напиши, как есть.

– Лёнька, не проблема, – счастливый удачной находкой хохотнул Друзилкин, и друзья обнявшись сплясали веселую джигу, задевая коленями мебель и стены крохотной комнатухи.

2. Кто ходит в гости по утрам

Сухие блинные смеси Золотое утро – быстрые в приготовлении, вкусные и питательные, источник кальция и железа. Только добавь воды, и счастливый семейный завтрак – гарантирован!

Реклама сухих блинных смесей

Илья Пузднецов приподнял правое веко, обнажив розовый белок глаза. Открыть левый глаз не получалось никак – щека, прижатая к подушке весом круглой лохматой головы, наполовину затекла в глазницу и не позволяла веку сдвинуться ни на миллиметр. О том, чтобы оторвать голову от подушки, речи быть не могло. Обладая Илья образностью мышления, он впоследствии смог бы описать свое состояние примерно так: череп, как глиняный горшок работы гончара-паралитика, передержанный в печи сверх положенного времени, стал чересчур хрупок и пошел сеткой трещин. Плачевное состояние черепа-сосуда не помешало некоему злоумышленнику наполнить его до краев скисшим кобыльим молоком, заботливо разбить внутри парочку тухлых яиц, засыпать муки и смешать до однородной массы. К дну горшка с внешней стороны присох вспухший в процессе разложения трупик озерной пиявки – язык. Поднять голову означало нарушить хрупкое равновесие, что неминуемо приведет к протеканию «теста» сквозь трещинки горшка и попаданию его на трупик языка. Что бы понять, почему этого стоит опасаться, можно представить себе язык в качестве детонатора водородной (в нашем случае – серо-водородной) бомбы – желудка. Илья, нужно отметить, живостью ума не отличался, склонностей к анализу не имел и ничего такого описывать не стал бы. Но, так или иначе, не имея сил думать и двигаться, Пузднецов мудро оставался в положении наименьшего рис-

ка – горизонтальном. Стоило Илье подспудно ощутить возможность продолжения сна, как отсрочки дальнейших мучений, тот час же адский шум на лестничной клетке сурово и неожиданно превратил ее (возможность) в невозможность полнейшую.

– Где этот окурок человеческий?!! Дайте мне эту дрянь – я ему руки из жопы повырываю!!! – немилосердно громкий крик, взорвавший барабанные перепонки Пузднецова, сопровождался громоподобными ударами, сотрясающими, казалось, не только входную дверь, но и всю хлипкую пятиэтажку от подвала до чердака. Недалекость Ильи не помешала ему – а похмелье помогло – прийти к бывшему некогда революционным умозаключению: «вселенная со всей своей многообразной начинкой уместается в человеческой голове».

– Пузднецов, сука, открывай сей час же! Мозги вышибу! – несмотря на кажущуюся конкретность угроз из-за двери, было не ясно, в каком случае они будут применены. Любый здравомыслящий человек, оказись он на месте Ильи, рассуждал бы так: некто хочет вышибить мне мозги. Этот некто находится по ту сторону двери, запертой изнутри. Вывод: пускать буяна внутрь не следует. Возможно, недоброжелатель хотел сказать, что вышибет мозги в том случае, если дверь ему не откроют. Но как же он осуществит задуманное, не попав в квартиру? Никак – еще один довод в пользу решения дверь не открывать. Пузднецов же, ведомый не трез-

вой логикой, но слепой судьбой, оторвал-таки голову от подушки, всколыхнув при этом наполняющие его нечистоты.

– Я знаю, что ты там! На месте пригажу! В мацу раскатаю! – не унимался визитер. Бездумно страдая, покачиваясь и изгибаясь в удивительных и едва ли опознанных Евклидом плоскостях, Илья отправился в путешествие от кровати до двери. Сопровождаемый громкой хулой из-за двери, путь оказался длительным и тернистым. Под ноги очертя голову бросалась всякая чепуха, вроде пустых бутылок, просящих каши тапочек, связанных узлом брюк и мокрой (хоть отжмай) фуфайки. Два стула и один стол, сговорившись, устроили Пузднецову подлую подножку, в результате которой дойти до прихожей целиком ему не удалось – изрядная часть Ильи выплеснулась на утопанный до плешивости ковер, где и осталась.

– Открывай! Я щас милицию вызову! – если уж кому и стоило вызывать милицию, то уж конечно не человеку, ломающему чужую дверь и нарушающему покой граждан апокалипсическими воплями. Возможно, крикун ухватил краешек этой мысли, и поэтому чуть притих. Или причина была в том, что ему тоже пришлось не сладко: зычный по началу голос охрип, силы и хлесткости в ударах поубавилось. Но, скорее всего, горлопан решил придержать коней, заслышав бряцанье и щелчки, с которыми Илья ковырялся в замке, силась его вскрыть.

– Ч рш стр, – Пузднецов с порога плюнул комком колючих

согласных прямо в лицо пришедшему. Сторонний наблюдатель (случись такому быть), слышавший громогласные посулы, будучи в своем праве ожидать жесточайшей расправы над Ильей, был бы разочарован тем, что произошло дальше. Руслан Шайморданов (да-да, именно он в столь ранний час штурмовал нору Пузднецова), при виде Ильи, жидко заполняющего дверной проем собой, неожиданно заковырялся в ухе и смягчился лицом.

– Чего не открываешь-то – задумчиво разглядывая бурую соплю, вожжей свисающую из носа Пузднецова и лежащую на его же плечо, проговорил Шайморданов.

– Я спл, а т бл хш рть нх, – выпучив глаза цвета свежего мяса, длинно прокукарекал Илья.

– Да тебя, тварь, кастрировать нужно и усыпить – чтоб не покусал кого-нибудь, – Шайморданов абсолютно отчетливо не понял, что Пузднецов хотел сказать, поэтому выдал домашнюю заготовку из серии «на все случаи жизни» – так, для поддержания разговора. Выслушав пожелание Шайморданова, Илья слегка осел, поджался, уркнул чревом и плеснул желчью на кафель лестничной клетки в том месте, где его закрывали ботинки Руслана, утерся тыльной стороной ладони и прочувствованно возразил: – сэм тэ сссэка.

Оценив ущерб, причиненный обуви и брюкам, а так же распробовав оскорбительное заявление, Руслан ткнул вяло извивающегося Пузднецова кулаком в и без того впалую грудь. Брызнув зловонной слизью, Илья ввалился в тесную

прихожую. Шайморданов сокрушенно покачал головой, вытер заблеванные ноги о не менее заблеванный коврик и последовал за Пузднецовым, предусмотрительно прикрыв за собой дверь.

3. Муки совместного творчества ч.1

*Синергетика – (греч. *sinergeia* – совместное действие) – одно из ведущих направлений современной науки, репрезентирующее собой естественно-научный вектор развития теории нелинейных динамик в современной культуре...*

Новейший философский словарь

– Знаешь, Геша, вроде бы как ничего, – сдержано одобрил Пузырьков. – Пузднецов как с картинки спрыгнул. Только не понятно, почему он с бодуна. Где даунито нажраться так умудрилось, и главное – с кем? Этого отсоса все сторонятся. И чего к нему Шайморданов вдруг спозаранку приперся? Орал, под дверью буянил, а потом вдруг сентиментально в грудишку ткнул и успокоился.

– Не гони гусей, – всем своим видом показывая, что задумал нечто из ряда вон, Дружилкин умолк.

– Я не гоню, только сюжет какой-то бредовый и не логичный получается. Руслан об Пузднецова нипочем бы руки марать не стал – ногами бы отпинал до полусмерти, зубы повыбывал, да в рот нассал. И то не сам, а шестерок своих бы

впряг. Если бы Илья действительно ему на боты наблевал, то давно бы уже трупом в морге под лампочкой патологоанатома загорал.

– Это конечно да, – сохраняя надменность вида, кивнул Геша, – но, дорогой мой Лёня, завязка швыряет нас в гущу событий, как...

– Слепых котят в омут, – съязвил Лёня.

– Именно! – Друзилкин радостно хлопнул в ладоши. – Описываемый момент является, так сказать, мгновенным центром тяжести. Он, несмотря на свою подвижность, имеет тенденцию перекачиваться, четко указывает на некую предысторию, что-то произошедшее за кадром. И, в то же время, намекает на развитие и нетривиальное продолжение – иначе нет никакого смысла затевать повествование.

– Ну и что такого могло произойти с Пузднецовым? – Пузырьков скептически хмыкнул. – Может, он геем на досуге заделался и Шайморданова в жопу отжарил... Не, тогда Руслан бы его на месте замочил.

– А вдруг Шайморданову понравилось? – Геша хихикнул.

– Тогда зачем он Пузднецову из-под двери угрозами угрожал, если ему содомия в кайф уперлась? – резонно заметил Лёня.

– Не ссы, чего-нибудь придумаем, – Геша расширился лукавой чеширской улыбкой.

Типа, у Пузднецова открылся уникальный дар: наводить на человека морок и жарить его в жопу? А на утро Шаймор-

данова морок слегка отпустил – всего он не вспомнил, но боль в заднице с персоной Пузднецова как-то увязал, вот и пришел справки наводить.

– Ой, – Геша поморщился как от зубной боли, – достал ты уже со своими анальными изысками. К тому же, Пузднецов с открывшимся даром – получится кто угодно, только не Пузднецов.

– Геш, тогда в чем фишка? – Пузырьков недоуменно сдвинул уши к затылку.

– Немного терпения, друг мой, – освобождая шариковую ручку от колпачка, Друзилкин прищурился, будто выбирая точку на бумаге, которую следует поразить первой, – немного терпенья. Саспенс в тексте, как яичко пасхальное.

– В смысле, что дорог ко Христову дню? – как-то неуверенно подъяснился Лёня.

– Я, вообще-то, имел в виду, что саспенс можно раскрасить всеми красками и полутонами, наляпать на него все, что под рукой отыщется, – Геша задумчиво куснул кончик ручки. – Но ты чертовски прав, дружище Лёнчик! Так и быть, беру тебя в соавторы. Только не забывай – контрольный пакет акций у меня, так что чур не борзеть сверх меры.

4. Села муха на варенье

Чемпиону мира ФИДЕ украинцу Руслану Пономареву засчитали поражение за то, что во время матча его поздра-

вили с днем рождения.

Из колонки новостей

Оставив Пузднецова копошиться на полу прихожей, Шайморданов, не разуваясь, прошел на кухню, где, чуть потоптавшись, щелкнул кнопкой электрического чайника. Ожидая, пока вскипит вода, Руслан, зажав в зубах цилиндр не содержащей никотина вонючки и подпалив его с одного конца, сдержанным Мамаем прошелся по кухонным шкафчикам и ящичкам. Не устраивая особого погрома, удалось найти початый коробок чая с изображением синюшного слоника, конфетницу с парой крупных комков бурого слежавшегося сахара и замотанный изолентой заварной чайник.

– Тебе как, покрепче заваривать? – Шайморданов высунул из-за кухонной двери длинную шею, заканчивающуюся аккуратной бритой на лысо головкой. Ожидая, что за неведомо кому адресованным вопросом (в том, что не ему, Пузднецов не сомневался) последует увесистый пинок (кому он достанется, было ясно), Илья прекратил копошение и постарался закрыть лицо трясущимися руками.

– Илюха, ты там живой? Тебе чайку дернуть нужно – с похмела самое то, – улыбаясь светско-львиной улыбкой, Шайморданов подошел к скорчившемуся Пузднецову и присел возле него на корточки.

– Чё? – не веря своим ушам и отсутствию пинков прохрипел Пузднецов.

Давай, поднимайся, тетеря сонная. Належался уже, – излучая дружелюбие, Руслан рывком поставил Илью на ватные ноги и, поддерживая под мышки, втиснул за стол, на котором как раз отшумелся извергающий пар носом чайник.

– Эта, штр чай ссах... – неопределенно пробормотал Илья. Он попытался сфокусировать взгляд на крупном, перечеркнутом синей полосой изоленты васильке, украшающем бочек заварного чайника, чем лишь пробудил новую волну тошноты.

– Да, чай покрепче, сахару чтоб побольше – оттягивает лучше некуда, – Шайморданов разлил дымящуюся жидкость по стаканам, в один плюхнул оба сахарных комка и придвинул к Пузднецову. Илья тупо уставился на стакан. Как бы подавая пример, Руслан принялся шумно прихлебывать чай, периодически подмигивая Пузднецову.

– Ты это, не серчай, что я тебя толкнул слегонца, – выпив в молчании примерно полчашки, сказал Руслан, с искренним любопытством изучая желтовато-коричневые подтеки на потолке. – Просто за штиблеты облеваннные обидно стало – третьего дня только из Италии прибыли.

– Я щас никак, – выдавил из себя Пузднецов, осторожно протянул руку к стакану, едва коснулся его пальцами и тут же отдернул. – На той неделе мать зарплату получит.

– А? – лицо Руслана вытянулось в мину удивленного суслика, но мгновенно просветлело и разгладилось. – Да какие счеты, братан! Отмоются калоши-то. И вообще, прости, что

я под дверью концерт устроил – нервы ни к черту.

– У, – не понимая решительно ничего и не имея сил удивляться внезапной внимательности и благодушию Шайморданова, Илья растерялся окончательно. Проснулся сырым и благоухающим, как кошачий туалет? Ничего удивительного – вчера у него был праздник, день рождения. Справлял традиционно в ресторане Макдоналдс (место не менялось с пятого класса школы) с верными товарищами на все времена, Лёшей Огузкиным и Петей Бодыльевым. Подготовились заранее – в ближайшем подвале приобрели три соевых плитки «Альпен Гольд» с толченым арахисом и полдюжины бутылок вкусной дешевой водки «РУСКАР», на голубой этикетке которой помимо указания на 40 процентов, красовалась гениальная по своей лаконичности надпись «зделано в росие», несколько теряющая свое очарование в напечатанном здесь же англоязычном эквиваленте «muden rosya». Такая предусмотрительная запасливость обеспечивала минимизацию затрат в самом ресторане – оставалось прикупить лишь горячих закусок (несколько пакетиков картофеля фри) и прохладительных заливок (кока-колы со льдом), да еще может быть рожок сливочного мороженого для Огузкина. Сидели как всегда в излюбленном уголке, скрытом от глаз посетителей и полотеров с одной стороны лестницей, ведущей на второй этаж, с другой – рогатой вешалкой, гнущейся в это время года под тяжестью дубленок и шуб. Здесь не было необходимости прятать водку в рукав и разливать ее, делая

вид, что подтягиваешь не к стати ослабший узелок на шнурке своего ботинка. Первые две бутылки разошлись под ободряющие похлопывания именинника по узким плечам и напустивия-пожелания тостов, произнесенных с набитыми картофельной соломкой ртами: «Ну, Илюх, с днюхой тя!», «Баб тебе сисястых, чтоб все давали», «Чтоб хер стоял и деньги были», «За нас и хуй с ними». За дружбу и родителей по вине Пети Бодыльева выпили вперемешку одновременно. Дело в том, что Петя решил отличиться и выйти за рамки привычных двух-трех слов. «Друзья мои, – Бодыльев обвел долгим нетрезво-блескучим взглядом все макдоналдсовские столики, вид которых не загораживала вешалка, – прекрасен наш союз. Как Аполлон. И здесь, под сенью этих стен, преломив, так сказать, хлеб, я хочу выпить. (Пузднецов, решил, что это конец тоста и уже собрался опрокинуть стопочку, но чуткий Огузкин пихнул его локтем в бок). Бодыльев набрал в легкие побольше воздуха и продолжил: За вас, дражайшие мои, за то, что было между нами, есть и будет. И как бы жизнь нас не р-р-р (Петя оскалился и с рычаньем изобразил жизнь, рвущую их, как Тузик грелку), никогда не забывать. Ведь иначе, кто мы? Куда путь держим? Зачем живем? (Лёша Огузкин от такого философского поворота обмяк и шмыгнув носом капнул в рюмку солоноватой слезкой). Достоин ли человек этого гордого имени, если забудет о главном? (Тут Бодыльев сделал непреднамеренную паузу, так как напрочь забыл, о чем он собственно хотел сказать. Пришлось выкручиваться.)

О главном забывать нельзя. Нет, нет и нет! А кто забудет – стыд тому, позор и порицание товарищей. Роднее матери, Илюха, нет ее мудрее. Она тебя выносила и советом, если что всегда. Чти отца своего, сказано в заповеди. Давай, Илюха, дорогой мой человек, выпьем». Растроганный Пузднецов выпил с удовольствием, на чем выпивание под тосты прекратилось, и пошла обычная пьянка. По исходу четвертой бутылки Огузкин отлучился в туалет, откуда вернулся посвежевшим, жадно облизывая белоснежный факел мороженого. Когда от мороженого остался только вафельный рожок, Лёша водрузил его себе на голову (этакий миниатюрный клоунский колпачок), запихнул за ворот шуршащую фольгу из-под соевой плитки и смешным гнусавым с подхрюкиванием голосом спел «хиппи бёздей тую». После пятой бутылки водки кое-как крепившегося Петю Бодыльева прорвало: он стучал кулаком по столу и плакал «почему все бабы такие шлюхи, хоть бы мне одна дала». Пузднецову и Огузкину пришлось прийти на выручку другу, пока охрана ресторана не разрушила всю тонкость материи сложившейся ситуации своим беспардонным вмешательством. Размазывая сопли по отхлестанным щекам, Бодыльев горячо благодарил друзей за своевременную поддержку и утверждал, что секс ненавидит во всех его проявлениях. Тем не менее, во избежание возможных эксцессов, Пузднецов пожертвовал сотню на такси и Бодыльев (клянувшийся вернуть деньги при первой возможности) был отправлен домой отсыпаться. Последняя, выпив-

тая напололам, бутылка оказалась для стойкого Огузкина и Пузднецова роковой – после нее друзьям захотелось пива. В настоящий момент, сидя на своей кухне и гоняя чай с Шаймордановым, Илья силился вспомнить, действительно ли он с плотоядным рыком «кто твой папочка?!» шлепал по попе девушку, приветливо сказавшую ему «свободная касса», или просто примстилась сценка, много раз смотренная по видеку. С одной стороны, отсутствие синяков и переломов говорило в пользу второй версии, с другой – очень уж хотелось, чтобы это хоть раз случилось с ним наяву. Пузднецов решил, что лучше при случае спросить у Лёши Огузкина, вдруг он помнит.

– Чего ты похмельный-то такой? – прикуривая очередную безникотиновую сигаретку участливо спросил Руслан.

– Эмж? – вопрос в паре с пронзительным взглядом татарских глаз Шайморданова не то чтобы совсем вывели Илью из ступора, но хотя бы вернули его блуждающий рассудок в скрючившееся на стуле тело. – Дрень рожжени. Бл. Фчра.

– А, ну поздравляю тебя с прошедшим, – Руслан, сам того не ведая, пасхально улыбнулся. – Всего тебе и так далее, чего сам себе, ну, в общем.

– Спа, – Пузднецов сглотнул кислую отрыжку и продолжил, но на более низкой ноте, – сибо.

– Э-хе-хе, села муха на варенье, вот такой вот день рожденья, – продекламировал Шайморданов и пульнул травяным окурком в открытую форточку. – Давай, Илюшенька, прихо-

ди в чувства – мне помощь твоя требуется.

– Помощь? – Илья чуть не захлебнулся глотком чая, который все-таки отважился сделать за секунду то того, как Руслан закончил фразу. Если бы перед Пузднецовым поставили задачу выбрать наиболее невероятный сюжет из пяти предложенных:

1) участковый милиционер Сяпунов, известный своим добрым христианским нравом в лучших традициях Нерона, носит обитающим в подвале бомжам теплую одежду, кое-какую еду и помогает денежками;

2) сияющий лицом Папа Римский перед толпой журналистов объявляет о своей помолвке и скорой свадьбе с популярной исполнительницей, известной как Мадонна (присутствует тут же, игриво обнимая понтифика и улыбаясь в объективы телекамер, рассказывает, как она счастлива);

3) тетя Клава, немолодая шарообразная продавщица из полуподвального магазинчика за углом, примечательная густыми иссиня-черными усами с прилипшей к ним шелухой от подсолнечных семечек, становится востребованной порнозвездой, а потом, перешагнув этот круг ада, выходит на орбиту большого кино и получает Оскара за драматическую роль первого плана;

4) Петя Бодыльев теряет невинность раньше празднования своего пятидесятилетия в Макдоналдсе;

5) Руслан Шайморданов приходит домой к Пузднецову, сам заваривает чай и просит о помощи,

– Илья без раздумий указал бы на пятый номер. Чтобы понять и прочувствовать всю невероятность ситуации, нужно иметь представление, кто такой Руслан Шайморданов (кто такой Пузднецов, кажется, объяснять не нужно). Объективности ради, опустив легенды, городские мифы и дворовой фольклор, расскажу о Шайморданове только несомненные факты, известные к тому же Пузднецову, волею судеб росшему с Русланом в одном дворе и посещавшим с ним одну и ту же общеобразовательную школу.

5. Муки совместного творчества ч.2

Потому что лирический герой Фета и лирический герой Тютчева воспринимают реальность по-разному.

Из школьного сочинения

– Ну, Гешка, и нагнал ты тени на плетень, – став почти что полноправным соавтором Лёня Пузырьков не как не мог сбросить с себя чешуйчатую кожу критика. – Пузднецов у тебя вроде как ничего, планку держит – debil дебилом. Но Руслан никакой критики не выдерживает. С какого он глазда сорвался, что стал курить... цитирую «не содержащие никотина вонючки»?

– Так твою перетак! Тебе чего, объяснить нужно, что такое художественный образ?! Это де-та-ли! Мелочи всякие, характерные особенности, маленькие острые крючоч-

ки, за которые мозг цепляется. Стилистика. Понимаешь?! – неожиданно взорвался Друзилкин.

– Гешенька, маленький, успокойся, – просюсюкал Пузырьков. – Прости меня, скотину неразумную. Каюсь, грешен – не заканчивал я литературного института имени Горького. На вот тебе сигаретку, успокой нервишки.

– А Шайморданов, между прочим, безникотиновые вонючки курит по тому, что курить бросает, – Геша жадно затянулся и вроде как немного остыл.

– С чего вдруг? – Пузырьков удивленно изогнул бровь.

– Ну, типа девушке его не нравится, что он много дымит. А он девушку свою любит и о здоровье заботится, вот и перешел на вонючки, чтоб желание отбить и ничего больше не курить.

– Постой, не гони, – столбик пепла сорвался с кончика сигареты и упал на штаны Пузырькова, но он этого не заметил. – Ты чего несешь, какую он девушку любит? Драть девушек он любит, как Макар телят – и в рот и в жопу. Попробовала бы хоть одна метелка ему сказать, что ее его курение напрягает – посмотрел бы я в каком виде эту дуреху из больницы через полгода выписали.

– А я говорю, что мой литературный персонаж, Руслан Шайморданов, нашего общего знакомого Руслана Шайморданова из соседнего подъезда на хую вертел, – терпеливо, чуть ли не по слогам произнес Друзилкин. – Мой Шаймор-

данов любит Валью Петухову, нравится тебе это или нет. И сделает ради нее все, что угодно.

– Кого? – тараща правый глаз, а левый наоборот – прищурив, переспросил Пузырьков. – Не было у тебя ничего ни про какую Петухову.

– Не пришла еще пора появиться ей на нашей сцене, – отмахнулся Друзилкин.

– Ладно, хрен бы с твоей, то есть Руслановской Валеи, – устало согласился Лёня. – Расскажи, откуда ты выцепил Огузкина с этим, как его, Бодыльевым? У Пузднецова друзей отродясь не было.

– Еще один вопрос в таком духе и ты со своим гиперреализмом будешь безапелляционно послан, – зловеще пообещал Геша. – С кем, по-твоему, Пузднецов должен был в общепите водки нажариться? В одну харю? Даже при общем перманентом убожестве Пузднецова это в стилистику и сюжетную канву не лезет. Вот я и выдумал пару субъектов под стать нашему дорогому Илюше.

– Да я и не спорю – выдумал, так выдумал, – Пузырьков поднял руки в примирительном жесте. – Только согласись – Шайморданов, пришедший за помощью к Пузднецову, это нонсенс, а не фарс. Ты мне не говорил, что фантастику антинаучную пишешь. Хотя бы намекни, какого лешего Руслану от этого муфлона понадобилось.

– Всеу свое время, – довести до блеска свою загадочную улыбку Друзилкин не успел – помешала следующая реплика

Лёни.

– Хорош свистеть своим ребятам. Сам, небось, еще не додумал, чего Шайморданову надо, вот и кочевряжишься тут. И в общем сомневаюсь, что у тебя получится толково и убедительно сей нонсенс раскатать.

– Ах так?! – Геша взвился вертикальным штопором, чуть не проломив головой потолок (или наоборот). – Ну все, с меня хватит. Если ты, Лёнчик, такой умный, попробуй сам напиши, толково и убедительно. А я посмотрю, что у тебя из этого выйдет.

– Вот и попробую, – Лёня беспечно просвистел два такта из «чижика-пыжика», – а ты, пока суть да дело, иди прогуляйся, остуди головку. Тебе, Гешенька, творчество окаянное вон как нервишки подвымотало – тут без дыхательных упражнений на свежем воздухе никак не обойтись. Через часик-другой возвращайся, думаю, к тому времени я главу осилю.

Скрипнув зубами и хлопнув дверью, Геша покинул комнату, теща себя мыслью, что через час наступит таки момент истины и дальнейших препирательств не последует. Лёня ухмыльнулся, пожал плечами, пошевелил пальцами, разминая их, продолжая насвистывать себе под нос, разложил на столе несколько листов бумаги и взялся за ручку: – Ну-ка, на чем наш мастер сложнопостановочного слова остановился.

6. По прозвищу Зверь

Если обратиться к истории науки, то в начале была теория сильных черт. Считалось, что, если изучить детство, привычки великих людей, то путем прямого сравнения можно предугадать лидерский потенциал.

М. Адаева-Датская

Руслан Шайморданов появился на свет в ту минуту, когда дух Генерального Секретаря ЦК КПСС, дорогого Леонида Ильича, в результате продолжительной болезни покинул бренное тело. Родители Руслана, Тимур Эльдарович и Гузель Рашидовна, знака в этом не увидели, хоть реинкарнацию и признавали. Среднее специальное образование и постоянная московская прописка обязали их к определенной условности мышления. Миг рождения не так важен, говорила Гузель Рашидовна, как мгновение зачатия. Душа обретает новое тело одновременно с оплодотворением яйцеклетки. Что касается Руслана, то когда именно он был зачат, оставалось тайной для всех, включая родителей. Известно лишь, что это произошло где-то между выпускным вечером в ПТУ N51 и прощальным костром на сборе картошки в колхозе «Малые обеды Ильича» почти месяц спустя.

До трех лет Руслан из общей массы своих сверстников не выделялся практически ни чем. Рано начал ходить, в результате чего его мягкие детские ножки изогнулись баварскими сардельками. Кавалерист растет – радовался дед. Го-

ворить Руслан напротив не желал. В том возрасте, когда детишки перестают бессмысленно агукать и переходят на «мама», «папа», «бьяка» и «кака», Руслан упорно хранил молчание. Настоящий джигит попусту не болтает – продолжал выводить родню из себя оптимистичный дед. Похожим на того человека, которого Пузднецов и многие другие знали и боялись, Руслан стал на пятом году, произнеся четко свое первое слово, звучавшее так: «ЖеТеБеКАСД». Если бы не дедушка, служивший затычкой для любой дырки, никто бы этому набору звуков значения не придал и, быть может, Руслан вырос бы нормальным человеком. Но судьба распорядилась по-своему. Записав сказанное внуком на спичечном коробке, дед, не долго думая, выдал «точную и неоспоримую» расшифровку: «Жизнь Твоя Будет Короткой, А Смерть – Долгой». Услышав слова древнего восточного проклятья, Гузель Рашидовна лишилась чувств, а Тимур Эльдарович самообладания – и засветил-таки улыбающемуся во весь золотозубый рот прозорливому отцу жены кулаком между седых бровей. Чему улыбался мудрый Рашид Нурудинович, осталось загадкой, так как удар осерчавшего отца оказался роковым. Дедушка отправился к праотцам, а Тимур Эльдарович – в тюрьму, где, не найдя с сокамерниками общего языка, был посажен на перо. Овдовевшая и осиротевшая Гузель Рашидовна, суеверно полагая, что не вся сила проклятья могла быть израсходована на гибель двух человек, страшась лютой смерти, сына сторонилась и воспитывала

вать не решалась. Она обеспечивала ребенка всем необходимым, кормила, одевала и обувала, но о материнской любви и нежности речи не шло. Слух о том, что первым же словом мальчик убил родного отца и деда, приукрашенный и извращенный до уровня гротеска, каким-то образом просочился за пределы семьи. Поговаривали даже, что ребенок, подобно Тамерлану, появился на свет, сжимая в крошечных кулачках по куску кровоточащего мяса. Поэтому, когда настала пора, и маленький Руслан пошел в школу, учителя в большинстве своем решили не рисковать по пустякам и гусей не дразнить. С Руслана не требовали выполнения домашних заданий, к доске не вызывали, а контрольные работы и сочинения, не проверяя, оценивали тремя баллами. Мальчик, предоставленный самому себе, рос в условиях беспрецедентного попустительства и вседозволенности. Не имея возле себя людей, которые могли бы авторитетно объяснить, что такое хорошо, и что такое плохо, Руслан на собственном опыте познавал особенности устройства мира. Подобно многим жестокосердным детям, Шайморданов вскрывал лягушачьи брюшка и птичьи грудки перочинным ножичком и с любопытством изучал их содержимое. Закатывал рыболовные крючки в хлебные катышки и на эту наживку ловил помойных голубей, вытаскивая через клювы их окровавленные внутренности. Таскал из грязного пруда ротанов и трионов, помещая их в банки, наполненные слитой из аккумуляторов кислотой. Кидал живых пиявок в костер, с востор-

гом наблюдая, как они раздуваются и взрываются воздушными шариками. Подкармливал доверчивых дворняг, щедро посыпая колбасу крысиным ядом. Завязывал узлом хвосты жалобно пищущих котят. Руслан мучил и убивал животных не ради самоутверждения, не упивался их болью и страданиями. Ему нравился эффект, который его действия производили. Он был маленьким, но чрезвычайно концептуальным режиссером, а живые твари – его актерами. Руслан методично осуществлял все приготовления, а потом, заняв место в первом ряду, заморожено следил за представлением.

Одноклассники и детвора, гуляющая во дворе, вняв наущениям своих родителей, Руслана обходили стороной. Равнодушный к их играм и забавам, Шайморданов одиночеством не тяготился – люди его попросту не интересовали. Возможно, Руслан так и вырос бы тихим нелюдимым живодером, не приключись с ним на девятом году жизни одна история. Как-то раз во дворе появился забавный песик, редкой по тем временам породы шарпей. Похожий на плюшевого медвежонка Мотя принадлежал семье Удальцовых, недавно переехавшей из Ташкента. Обычно Мотю, моментально ставшего главным любимцем и достопримечательностью двора, выгуливал Артем Удальцов, мальчик на пару лет старше Руслана. Но однажды Артем приболел, и мама, Алевтина Ивановна Удальцова, не пустила его на улицу, решив, что Мотя способен самостоятельно справиться свои собачьи надобности. Действительно, погода в тот день стояла

отвратительная – с серого осеннего неба сочными ледяными плевками валил размокший снег, а северо-западный ветер пробирал до костей. Случилось так, что именно в тот день Руслану не удалось найти ни одного подходящего актера для своего перформанса (кошки попрятались по теплым чердакам и подвалам, дворняг тоже видно не было). Смирившись со срывом очередной премьеры, промокший и продрогший Шайморданов, подошел к своему подъезду и уже собирался в него зайти, когда заметил желтое пятно, с умным видом обнюхивающее урну. Подождав пока Мотя задерет лапу и пометит приглянувшуюся возвышенность, Руслан стащил с себя куртку, накинул ее на пса, и в этом импровизированном мешке утащил в свой «театр» – грязную строительную бытовку, оставленную бригадой, занимавшейся обустройством детской площадки. Оказавшись в своем тайном убежище, Руслан проволокой примотал вяло сопротивляющегося Мотю к верстаку. Удивленный пес не пытался ни кусаться, ни даже лаять, но Шайморданов добросовестно замотал его морду липкой лентой скотча. В Моте Руслана больше всего поражала избыточность мягкой шкурки, как будто собаку одели в костюм на добрый десяток размеров больше. Взяв в руку бритвенное лезвие, Шайморданов сделал по круговому разрезу на каждой лапе чуть ниже локтевых и коленных сгибов беспомощно трепыхающегося и хрипящего носом шарпея. Хотя Руслан и ожидал чего-то подобного, его впечатлила та легкость, с которой шкура снялась

с лап несчастного животного – как перчатка с руки. Насладившись зрелищем освежаванных, судорожно дрыгающихся лап, Руслан поднес окровавленное лезвие к горлу Моти.

Следующим утром, обеспокоенный долгим отсутствием любимца, Артем, наплевав на запрет матери выходить на улицу до полного выздоровления, отправился на поиски. В склизком куске мяса, который младший Удальцов нашел в кустах возле подъезда, опознать Мотю было бы не возможно, если бы не лежащие рядом чулочки, шортики, курточка, перчатки и шапочка – то, что раньше было шкурой собаки. Горе, охватившее Артема, было неизбывным. Он плакал, выл, ревел, катался по раскисшей, покрытой гниющей листвой земле. Выбежавшие на шум родители, кое-как справившись с шоком, вызванным увиденной картиной, с большим трудом смогли увести мальчика домой. Удальцовы боялись, как бы пережитая психологическая травма не свела их сына с ума. Ребенок отказывался от пищи, практически не спал, лишь изредка забываясь в тревожной дремоте, но тут же вскакивая с именем Моти на губах, вращал невидящими глазами и в кровь кусал губы и ладони. Врачи, подчеркивая любовь и привязанность Артема к погибшей собаке, вразумительных прогнозов не давали и от всех вопросов отупевших от горя Удальцовых отмахивались многочисленными рецептами. Тем не менее, к немалому облегчению родителей, несколько месяцев спустя Артем стал понемногу возвращаться к нормальной жизни. Став более замкну-

тым, он все же вполне вменяемо разговаривал с окружающими, аппетита не проявлял, но от еды больше не отказывался. Еще через полгода, когда за окном всюю буйствовала летняя зелень, врачи поздравили изнеможенных Удальцовых с выздоровлением сына. Сильно похудевший Артем принимал поздравления, говорил слова благодарности (хором с родителями) и улыбался. Вид улыбающегося лица мальчика со смотрящими исподлобья ввалившимися глазами и бескровными губами мог привести в ужас кого угодно, только не старших Удальцовых, счастливых до беспамятства самим фактом присутствия улыбки на лице любимого сына. В тот миг, когда он нашел останки Моти, в Артеме поселился дьявол, и когда доктора признали ребенка исцеленным, дьявол никуда не исчез – он лишь набрал достаточно сил, чтобы жить и оставаться незамеченным.

Не говоря никому о своих планах, Артем решил найти виновника смерти своего питомца и покарать его так, как все эти месяцы нашептывал ему дьявол. Выяснить, кто стоял за поистине зверским (как ни крути) убийством, труда не составило – о склонностях Руслана Шайморданова во дворе знал каждый. Когда-то давно мальчик видел фильм, из которого ему запомнилась фраза: месть это такое блюдо, которое следует подавать холодным. Действуя неспешно и методично, Артем наблюдал за Русланом, по прежнему безоглядно увлеченным своими постановками. Артем примечал все: во сколько Руслан приходит из школы, когда отправляется на

прогулку и какие места для нее выбирает, как часто посещает свою лабораторию в заброшенной бытовке. Через две недели слежки план расправы с обидчиком был готов.

Потратив все свои карманные сбережения, Артем купил в зоомагазине самого пушистого кролика из тех, что были в наличии. Расчесывая кроличьи бока на множество проборов, младший Удальцов выдавливал на каждый пробор по длинной дорожке клея «Момент». Когда похожий на меховую шапку с ушами кролик был весь обляпан клеем, Артем распушил шерсть вокруг проборов так, что не приглядываясь их можно было не заметить. Сунув в карман морковку, опасную складную бритву оставшуюся от дедушки, Артем аккуратно взял приманку за уши, чтобы не приклеится самому, и направился к «тайному» логову зверя. Придя на место, Артем выставил недовольно урчащего кролика перед дверью, сунул ему под нос морковь (чтобы не сбежал раньше времени), а сам пробрался внутрь бытовки, где с бритвой на изготовке затаился под верстаком, на котором принял смерть Мотя.

Руслан вышел на охоту в свое обычное, подмеченное Артемом, время. Расчет Удальцова оказался верным – пройти мимо ушастого зверя, виденного раньше только на картинках и по телевизору, Шайморданов не смог. Взяв кролика под липкие бока, Руслан прошел в бытовку. Как только дверь со скрипом закрылась за его спиной, Артем выскочил из-под верстака, отрезая Руслану путь к отступлению. Шайморда-

нов, поглощенный придумыванием роли для своего нового протеже, появление незваного гостя едва ли заметил. «Сейчас ты мне за все ответишь» – Артем, брызжа слюной и рассекая воздух бритвой, пошел в наступление. Руслан, удивленный, что к нему обращаются, опустил зверька на верстак, отер длинные сопли не досохшего клея на ладонях о штаны и непонимающе уставился на Удальцова. Артем опешил, он-то ожидал, что Руслан приклеится к кролику намертво и будет беспомощен перед свершением его (Артема) справедливого суда. Мысль о том, что фокус, почерпнутый из книжки сказок дядюшки Римуса (там братец Лис хитроумно поймал братца Кролика, используя смоляное чучелко), не срабатывает, десятилетнего мальчика не посещала. Поборов секундную растерянность, Артем решил действовать. Конечно, теперь о такой изощренной пытке, которую он хотел применить к частично обездвиженному противнику, речи быть не могло, но полоска острейшей стали по-прежнему находилась в его руках, а, значит, шанс выпустить кишки Руслану остался. Примериваясь попасть Шайморданову в живот, Артем сделал резкий выпад вперед. Руслан, продолжая не понимать, что собственно происходит, инстинктивно сделал шаг влево (благо, размеры бытовки позволяли совершить такой маневр) и правым коленом ударил Артема в грудь, едва не задев лезвие, тускло светящееся в вытянутой руке. Удар оказался настолько сильным, что результат его походил на одну из боевых сцен фильма про кун-фу. Артем пролетел полтора

метра спиной вперед, с жутким треском снес хлипкую дверцу бытовки с петель, и кубарем выкатился на детскую площадку, где стайка мальчишек играла в футбол.

Картина, представшая взору Руслана, когда он возник в дверном проеме своего анатомического театра, изменила его навсегда. Воцарилась тишина, все привычные дворовые звуки стихли. Даже шум автомобилей не дороге, проходящей сразу за домом, исчез. Дети (среди них был и Илья Пузднецов), забыв про мяч, уставились на сабо шевелящегося Артема, задыхающегося, стонущего, кашляющего и харкающего кровью на пыльную землю площадки. Затем, не сговариваясь, мальчишки проследили взглядом путь Артема. Все глаза оказались на Руслане – худеньком восьмилетнем ребенке с длинной трогательной шейкой и несоразмерно маленькой головой. Во всех глазах Руслан читал помимо страха, к которому он давно привык (истории родителей о проклятье делали свое дело), новое выражение. Это было уважение, граничащее с восхищением. Руслан как губка впитывал волны неведомого до того чувства. Он был в центре внимания – на него смотрели с немим восторгом не только ровесники, но и мальчишки из пятых и шестых классов. Все знали, что произошло, хоть никто об этом вслух и не говорил. Артем, старше Руслана на два года, выше на голову и порядком шире в плечах, с острейшей бритвой в руках, потерпел поражение. Судя по издаваемым им хрипам, большинство ребер младшего Удальцова были сломаны. Растрескавшаяся

ся фанерная дверь, лежащая у ног невозмутимого Шайморданова, придавала картине концептуальную завершенность. Тишина, сопровождавшая триумф Руслана, внезапно разлетелась на миллионы осколков – с сиреноподобным воем во двор выбежала мать Артема. «Убили! Убили!» – вопила обезумевшая Удальцова, тряся сына как тряпичную куклу. Еще через миг приехала бело-красная карета скорой помощи и, суетливо мерцая мигалкой, увезла Артема и бьющуюся в истерике мать в больницу.

Проблем по данному инциденту у Руслана не возникло ни с милицией, ни в школе, ни дома (Гузель Рашидовна только тихонько вздохнула и еле заметно качнула головой). Нашлось множество свидетелей, подтвердивших, что Артем, вооруженный опасной бритвой, первым напал на Шайморданова. Было установлено, что имел место факт самозащиты. Чете Удальцовых тонко намекнули, что их проявившему ретивость сынку за вооруженное нападение светит как минимум клиника, а то и детская колония не самого мягкого режима. Что они должны радоваться тому, что Артем сам же на свою бритву не напоролся и, по большому счету, легко отделался. Обессилевшие Удальцовы аргументов для возражений не нашли, быстро собрали вещи и переехали в другой город – подальше от всяких проклятий. Что стало с измазанным клеем кроликом – не известно.

7. Первый парень на деревне

...и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

Откровение Иоанна Богослова

Руслану Шайморданову, отведавшему крови человеческой, животные опостытели. Он стал центром всеобщего внимания. Вокруг Руслана собирались все оторвы и хулиганы района – мальчишки из неблагополучных семей, а так же пай-мальчики, мечтающие стать «крутыми». Сперва Руслан не знал, что ему делать и как себя вести, но жадные обожающие взгляды новоявленных сторонников стали для него как наркотик. Не имея мысли стать таким же подонком, как те, кто его окружали, Шайморданов, тем не менее, набрался от них всего, что позволяло стать самым крутым из всех крутых. В мановение ока Руслан из тихого юнната превратился в грубого и беспринципного главаря подростковой шпаны. К десяти годам Шайморданов виртуозно матерился, умел пускать сигаретный дым колечками, мог без закуски выпить стакан водки и являлся бесспорным чемпионом дворовых драк во всех прилегающих кварталах. Но мистическая слава «проклятого ребенка» Руслана, опустившегося до уровня среднего уличного шалопая, не оставила. Та изо(вра)щренность мышления, с которой он расправлялся с животными, из мозга Шайморданова не исчезла, изменились лишь цели и средства. Теперь его марионетками были не щенки и котя-

та, а люди и предметы, составляющие жизнь любого зрелого общества. На смену перочинным ножикам, аккумуляторной кислоте и костеркам невинной детской инквизиции пришла растущая день ото дня армия верных головорезов. Не опускаясь до мелких пакостей, типа подкладывания кнопок на стулья учителей или засыпки сахара в бензобак соседа, Руслан придумывал возмутительные проделки и поручал их исполнение своим прихвостням, оставаясь в тени.

Зная, что учитель физкультуры крутит роман с географичкой, Руслан приказал ее сыну Ване, учащемуся с ним в одном классе, прилюдно называть физкультурника папой. Ошарашенный физрук чуть не придушил «сынка» на глазах у всего класса. Разразился скандал. Учитель физкультуры и Ваня были приглашены в кабинет директора школы на очную ставку. «Ты зачем старшим грубишь?» – устало поинтересовался директор. «Почему грублю?» – невинно вытаращил глаза Ваня, и выдал фразу, которую Руслан велел ему заучить: «Раз спит с моей мамой, значит он мой папа». Физрука прямо из директорского кабинета увезли в больницу с инсультом. Информация о новом «папе» Вани через детей дошла до родителей, а через родителей – до его биологического отца. Недельку географичка ходила в солнцезащитных очках, скрывая побои. На второй неделе, прихватив с собой Ваню, исчезла в неизвестном направлении.

В день, когда в школу нагрянула проверка из РОНО, Руслан приказал своим подданным мальчишкам рассредото-

читься по школьным классам, коридорам и туалетам, и, за-
видев любого взрослого, целоваться друг с другом в засос. На
все вопросы следовало отвечать: «Все великие люди со вре-
мен древних греков и римской империи были геями. Мы не
хотим вырасти серыми и посредственными». Если у взрос-
лого хватит сил на вопрос, откуда такие мысли, нужно было
жеманно хмыкнуть и ответить: «Это нам Валерий Петрович
рассказал». Валерия Петровича, директора школы, учителя
истории и социологии по совместительству, в тот же день
увезли в больницу. Уполномоченная комиссия обнаружила
в его рабочем столе множество фотоснимков с обнаженны-
ми мальчиками, большая часть которых училась в злополуч-
ной школе. Узнав об этом, Валерий Петрович предпочел уда-
виться ремнем собственных брюк, не выходя из больницы.

Так же от пытливого взора Шайморданова не скрылся
факт, что кривенький мужичок дядя Вася, работающий в
школе сторожем, всегда слегка навеселе (за исключением
дней плановых проверок). С ним расправились просто и ци-
нично. По указанию Руслана, все дети со второго по шестой
классы включительно скинулись по пятьдесят копеек. На со-
бранные деньги купили два ящика дешевой водки и выста-
вили их перед дверью однокомнатной квартирки дяди Васи.
Запой, в которые уходил сторож, новостью ни для кого не
были, поэтому его отсутствию на боевом посту особенно не
удивились. Через две недели, выломав дверь, милиция на-
шла подгнившего дядю Васю в собственной квартире – сосе-

дей сильно беспокоил «неприятный» запах. Из двух ящиков, по словам соседей, ставших понятыми, непочатыми осталось всего две бутылки.

Этажом выше Шайморданова жила одинокая старушка Нина Федоровна, известная своей любовью к кошкам. Тридцать квадратных метров жилплощади с ней делили порядка двух десятков мяукающих тварей. По весне весь подъезд наполнялся дикими звуками, и круглый год – не менее дикими запахами. По указке Руслана в течение примерно месяца, мальчишки по всем окрестным подвалам и помойкам отлавливали котов и кошек, потом по одному приходили под дверь сердобольной старушки и терпеливо давили кнопку звонка. «Возьмите котеночка. Он промок, замерз, кушать хочет. Жалко все-таки» – жалобными голосками говорили подосланные мерзавцы и протягивали бабушке грязные комки мяукающей шерсти. К концу месяца в квартире сердобольной Нины Федоровны обитало уже больше полусотни голодных зверей. Еще через месяц дверь этой квартиры вынесла милиция, вызванная соседями, которым надоело слушать бесконечные кошачьи вопли. Из опустевшего дверного проема под ноги очумевших ментов хлынул кошачий поток. Когда он иссяк, на полу прихожей обнаружилось наполовину съеденное тело хозяйки. Если пенсия старушки позволяла ей кое-как прокормить себя и двадцать кошек, то на пятьдесят шесть (с учетом Нины Федоровны) голодных ртов денег решительно не хватало. Киски страдать не должны, реши-

ла старушка, и мужественно отдавала свою долю провианта животным. Когда она умерла с голоду, запертым в квартире кошкам не осталось другого выхода, кроме как обглаживать свою спасительницу.

Время шло, Руслан вырослел. Продолжая «шалить» в своем стиле, он стал кем-то наподобие крестного отца мафии. Чувствуя первые признаки пробуждающегося полового влечения, тринадцатилетний Шайморданов вменил себе в «обязанности» право первого свидания. Теперь любой мальчик района, не желающий очнуться в канаве с переломанными руками и ногами, перед тем как начать гулять с понравившейся девочкой, должен был за свой счет организовать свидание Руслана со своей зазнобой – в кино ли, в ресторане или на квартире. Не важно, что мальчику приходилось при этом врать девчонке, как уговаривать и что обещать, но если она на свидание с Русланом не приходила, то приглашать ее впредь не имел право никто. Исключение делалось только для толстых и некрасивых до страшноты девчонок. Таким образом, Шайморданов первым перецеловал почти всех девочек, достигших достаточной зрелости, и прибавил к своим титулам звание школьного секс символа. Гордые и спесивые девицы, презревшие внимание Руслана, репрессиям не подвергались, но были обречены на холодный прием со стороны любого, беспокоящегося о своем благополучии мальчика. Убедившиеся в этом на своем опыте девочки нередко меняли гнев на милость, просили у Руслана прощения и получали

его по известной цене. К пятнадцати годам Руслан считал нелепым ограничиваться поцелуями и обжиманиями, что вызвало лишь еле слышный ропот среди подростков обоих полов – возразить в открытую никто не осмелился, даже семнадцатилетние ученики выпускных классов.

Воцарившаяся в школе, дворе и всем районе шаймордановщина продолжала набирать силу. Аппетиты Шайморданова росли и требовали все больше денег для своего удовлетворения. Руслан, с увлечением читавший книги по истории, не стал изобретать велосипед и обложил всех подростков от десяти лет и старше данью. Кара заслушание была прежней – для мальчиков побои, для девочек бойкот. Деньги с детей собирались проверенными подручными. Размер оброка для каждого ребенка был индивидуальным, зависящим от платежеспособности, так что у некоторых язык даже поворачивался назвать его справедливым. К тому же, часть полученных средств Руслан распределял между приближенными к нему лицами, что лишь укрепляло позицию его власти. Жаловались ли дети родителям? Конечно. Но все взрослые знали или догадывались, сколько трупов на совести «проклятого ребенка» и, не желая стать мишенью для следующей «шалости» Шайморданова, добровольно давали своим детям денег на оплату дани.

По окончании школы, Шайморданов, чтя классиков жанра, приобрел статус районного наркоборона. Перемещение наркотических средств различной степени тяжести осу-

ществлялись исключительно под его строгим контролем. Не удержавшись от соблазна, Руслан и сам основательно подсел на белый порошок. Количество денег, оседающих в карманах Шайморданова, позволило ему сделать грамотный политический ход – отменить оброк, увеличив таким образом и без того не малую армию своих сподвижников. Задумываясь о будущем, Руслан видел себя сперва в кресле префекта округа, затем мэра, а после, чем черт не шутит, президента всея Руси. Но в настоящий момент прыгнуть выше головы не удавалось – придумать, как в восемнадцать лет иметь еще больше влияния и веса на отдельно взятой территории, было невозможно.

Думаю, после этого краткого и выборочного описания подвигов Руслана Шайморданова, узнав историю его восхождения, абсурдность действия, разворачивающегося на кухне Пузднецова, становится очевидной.

8. Машина для Вали

Дамский автомобиль – красивый автомобиль.

Е. Рождественская

А впрочем, дамский автомобиль – тот, который просто принадлежит женщине, и не важно, какая это машина.

С. Мазаев

Хотя, пожалуй, стоит упомянуть еще один момент, проясняющий межличностные отношения Ильи Пузднецова и Руслана Шайморданова.

Случилось так, что один из самых близких соратников Руслана, Шамиль Нафиков, польстился на синеглазую Валю Петухову, студентку ПТУ, считающуюся красивейшей девушкой района. Соблюдая закон, Шамиль привел Валю к Шайморданову на «первое свидание». Руслан Валю принял и после бессонной ночи (как для него и Вали, так и для Шамиля, нервно курящего сигарету за сигаретой), дал добро на дальнейшие встречи Петуховой и Нафикова. Все бы ничего – через эту процедуру в течение последних пяти лет прошло немало молодых пар, многие из которых впоследствии поженились и нарожали детей. Но Валя, покинув роскошные, стилизованные под шатер кочевника, апартаменты Шайморданова, на ожидающего ее прокуренного и издергавшегося Шамиля посмотрела совсем не приветливо. И дело тут было отнюдь не в унижении и поруганной девичьей чести. При знакомстве, чтобы произвести впечатление на гордую красавицу, не испытывающую недостатка в ухажерах, Нафиков из кожи вон лез, показывая Вале, какая он важная птица. «Я правая рука самого Шайморданова. Мы с ним как братья, он за меня жизни не пожалеет. Деньги от бизнеса пополам делим», «Чего захочешь, только скажи – все будет», «Из под земли достану», «Десять раз подряд без отдыха» и все в таком духе. Не то что бы Валя купилась на всю эту мишуру, но

определенная заинтересованность в ней появилась. Дождавшись, когда потный изможденный, но удовлетворенный Руслан упадет на кровать рядом с ней, Петухова, как бы между прочим, поинтересовалась, что он думает про Нафикова. «Хороший парень. Только тупой, как баран» с отдышкой ответил Шайморданов, «У меня таких шестерок, как грязи... Да хуй бы с ним. Давай теперь попкой».

– Валечка, все в порядке? – по дороге от подъезда Шайморданова до своей битой восьмерки, с дрожью в голосе спросил Нафиков, ежась под ледяным взглядом Петуховой.

– Нормально, только задница болит, – буркнула Петухова. Поняв, что Шамиль ноль без палочки, да к тому же трепло, Валя решила послать его ко всем чертям. Она уже открыла рот, чтобы осуществить задуманное, но тут в ее светловолосую голову пришла идея получше: сначала раскрутить Шамиля на что-нибудь стоящее, а уж потом послать.

– А у тебя это в первый раз? – затянувшееся молчание показалось Нафикову неловким, но ничего более достойного для поддержания разговора он не придумал. – В смысле в попу.

– Неприлично девушке на первом свидании такие вопросы задавать, – Валя кокетливо покосилась на Шамиля и хихикнула, подметив про себя, что Руслан был прав, обозвав Нафикова бараном. – А раз у нас с тобой первое свидание, нужно это дело отметить как следует. Хочу в ресторан.

Два месяца Петухова методично высасывала из Шамиля

соки, требуя то золотое колечко с бриллиантом, то выходные в Париже, не говоря уже о дорогих ресторанах, шмотках и прочей ерунде. Шамиль потел, краснел, залезал в долги, даже продал свою восьмерку, но мужественно продолжал исполнять все прихоти Вали. Зная, что долго Нафиков не продержится, и скоро сам задумает порвать с ней, Петухова тщательно обдумала и выдвинула требование: «хочу машину, бэжу или аудио какую-нибудь, только нулевую». Что такую тачку Шамиль не потянет, Валя не сомневалась, зато у нее будет конкретный повод бросить поиздержавшегося бойфренда первой, сохранив при этом лицо и имидж роковой женщины. Расчет смекалистой пэтэушницы был почти безупречен, но гордости Шамиля она недооценила. Нафиков, смысл жизни которого был в ловле завистливых взглядов, сыплющихся со всех сторон, когда он в обнимку с общепризнанной королевой дефилировал по бульвару или сидел в ресторане, решился на неслыханный по своей дерзости и безумству поступок. Выпив сто грамм для храбрости, Шамиль обошел всех драгдилеров района и собрал с них месячную мзду ровно на один день раньше положенного срока. Дилеры Нафикова знали, поэтому деньги отдавали без базара, лишь удивляясь тому, что Шайморданов послал к ним человека, не дождавшись завтрашнего дня, когда они сами бы принесли наличность в аккуратных белых конвертиках. На все вопросы Нафиков отвечал, что это воля Шайморданова, и почему возникла такая спешка он (Шамиль) не в курсе –

не его ума собачье дело.

Отчаянная попытка нагреть Шайморданова Шамилю удалась, но в связи с непродуманностью и плохой организацией, правда вскрылась на следующий же день, когда Руслан не дождался ни одного парламентария с денежным конвертом. Руслан был в ярости, раньше его никто не только не предавал, но и подумать об этом не страшился. В принципе, сам факт воровства не так коробил Шайморданова, как то, что почуяв слабинку его хватки, другие могут отважиться на бунт. Руслан прекрасно знал, что количество завистников даже среди его шестерок ой как велико – собравшись вместе, они мокрого места от него не оставят. Требовалось в срочном порядке как можно хладнокровнее и жестче покарать Нафикова, чтобы отбить у всех раз и навсегда желание шутить с великим и ужасным Шаймордановым. Собрав всех ближайших сподручных (за исключением Шамиля, который бегал по автосалонам, выбирая бибику для своей крали), Шайморданов без всяких эмоций вынес приговор: «слить гада вчистую» и предложил свой сценарий слива. Нафикова следовало подкараулить, вкатить ему смертельную дозу героина, а в квартире устроить «тайничок» с солидным запасом наркотов. Параллельно пустить слух, что Шамиль сажал на иглу детей младшего школьного возраста и частенько в счет оплаты пользовал их юные тела. При помощи фотошопа подготовить соответствующие фотографии и спрятать в том же «тайничке». Когда «тайничок» найдут, а слух прорастет в массах,

Шамиль посмертно будет опозорен как наркоторговец и содомит – на его могилу даже папа с мамой не придут.

Изготовление липовых фотографий поручили компьютерному гению по кличке Крыса – он же в свое время взломал кабинет Валерия Петровича, директора школы, и под завязку набил ящик стола компрометирующими материалами. Обустройство тайника досталось сыну местного участкового Владiku Сяпунову, лучшему другу Нафикова, – в его неожиданном приходе родители Шамиля ничего подозрительного увидеть не должны. Всю грязную работу в шайке Шайморданова, как и в любой другой иерархически структурированной организации, выполняли низшие чины – штатные единицы большой численности и малой себестоимости. Поэтому подкараулить Шамиля в темном переулке и инсценировать передозировку должны были наименее ценные бойцы: Илья Пузднецов, Лёша Огузкин и Петя Бодыльев.

Троице дружбанов выдали оружие убийства (шприц, заправленный первосортным героином), инструкции, где и во сколько ловить отступника, а так же что лепить в случае, если их поймают, и отправили в сырую темень октябрьских улиц. Но что-то в осуществлении плана не срослось – то ли у Шамиля был ангел-хранитель, который провел его к дому другой дорогой, то ли друзья попросту проморгали жертву. Когда Крыса и Владик Сяпунов вернулись к Руслану с отчетом об успешном выполнении заданий, о Пузднецове, Огузкине и Бодыльеве не было ни слуха, ни духу. Прождав до по-

луночи, Шайморданов не выдержал и послал отряд во главе с Сяпуновым на поиски горе-киллеров. Все трое были найдены валяющимся в том самом переулке, где приговор должен был быть приведен в исполнение. Друзья сидели на грязном асфальте, таращили глаза и дико ржали. На вопрос Владика, что происходит, Пузднецов, не прекращая смеяться, сквозь слезы ответил: «Цементовоз! Це-ме-нто-воз! Ты не догоняешь?! Це-ментовоз! Понял, ментовоз хохляцкий». Попинав Илью, Лёшу и Петю, Сяпунов убедился, что они обдолбаны вусмерть и толку от них не добиться. Погрузив незадачливых товарищей в машину, Сяпунов отвез их к подъезду дома, в котором жил Шайморданов, и запер в подвале. Когда по утру друзей немного отпустило, их волоком, как мешки с картошкой, притащили к Руслану. Заикаясь и бледнея то ли от страха, то ли из-за отходняка, Пузднецов поведал, что они ждали Нафикова в условленном месте, не дождались, замерзли, пост покинуть не решились, и, чтоб веселей ждать было, чуточку героя позаимствовали. В действительности, ребята убили на троих всю «смертельную» дозу, предназначавшуюся Шамилю. Шайморданов спокойно осведомился, в чью умную голову пришла идея наложить лапу на чужой герыч. Пузднецов и Огузкин, не сговариваясь, ткнули пальцами в Бодыльева. Руслан удовлетворенно кивнул и подал знак увести проштрафившихся дураков. Наказание за нерадивость не заставило себя долго ждать. Всех троих избили до полусмерти и исключили из Шаймордановской партии. Пете Бо-

дыльеву в довесок достался еще один бонус: с этого момента всем девушкам района было строжайше запрещено даже смотреть в его сторону.

Что касается Нафикова, от своей судьбы он не ушел – следующим вечером Владик Сяпунов лично вонзил иглу в его вену, пока двое помощников держали Шамиля под руки. Дальнейшие события, как по нотам, разыгрались в соответствии со сценарием Руслана. Провал задания Пузднецовым и компанией привело лишь к одному непредвиденному результату: воспользовавшись отсрочкой исполнения приговора, Шамиль успел-таки спустить все украденные деньги на машину для Вали Петуховой. Он купил Audi A2 персикового цвета. Думая, как поступить в данной ситуации, Шайморданов решил проявить благородство. Вместо того, чтобы повесить долг на компанию, по вине которых Шамиль разбазарил его деньги, или забрать машину себе, Руслан пригласил Валу, преклонил перед ней колено, поцеловал изящные пальчики и вручил ключи от новенькой иномарки. «Это подарок», – улыбнулся Шайморданов, и веско добавил: «От меня». Девушка подарок приняла, с радостью отметив, что цвет авто как нельзя лучше подходит к дубленке и сапожкам, вытребованным у Шамиля две недели назад. Следующий подарок для Вали – водительские права – Руслан оплатил сам. Так Валя Петухова стала первой официальной девушкой Шайморданова. В скором времени она завладела не только телом и разумом Руслана, но и его сердцем, став един-

ственным человеком, от которого Шайморданов зависел и кому доверял. Ради Вали (хоть она его об этом и не просила) Руслан даже отказался от права первого свидания, что публикой было расценено не однозначно: одни говорили, что Шайморданов остепенился, другие – что сдал позиции или стал импотентом. Стоит ли говорить, что неожиданное возвышение пэтэушницы (учебу сразу же бросившей) ни ей, ни Руслану доброжелателей не добавило.

9. Бунт на Олимпе

В наказание за участие в борьбе против богов Зевс заставил титанов держать небесный свод на своих плечах.

Древнегреческая мифология

Ровно через два часа сумрачный ликом Геша возник на пороге своей комнатенки, благоухая табачным перегаром и выпуская из глаз лучи холодной недоброжелательности.

– А, барин пожаловали, – Лёня поставил точку в конце дописанной главы. – Я уж заждался вашей светлости.

Не говоря ни слова, Друзилкин протопал к столу, сгреб с него исписанные Пузырьковым листы, и погрузился в чтение. Пока водянистые глаза Геши скользили по строчкам, Лёня развлекался, побрасывая шариковую ручку к потолку и ловя ее возле самого пола.

– Что это? – сипло ухнул Геша, закончив чтение.

– Как что? – Пузырьков от неожиданности вопроса забыл поймать ручку, и она, упав на пол, закатилась под батарею. – Продолжение нашего монументального труда.

– Издеваешься, сука, – сквозь зубы процедил Друзилкин. Его лицо стало похоже на восковую маску, покрытую прозрачной корочкой льда. Прочтенное Гешу сильно обеспокоило сразу по нескольким пунктам. Во-первых, в глаза бросалось, что три новые главы написаны гораздо лучше предыдущих. Во-вторых, было не понятно, как можно успеть написать столько за каких-то два часа. В-третьих, в тексте весьма гармонично использовались персонажи, придуманные им – Валя Петухова, Лёша Огузкин и Петя Бодыльев. Более того, сам провести такие взаимосвязи Геша вряд ли бы догадался. Перед Друзилкиным встал вопрос, с чем легче смириться. С тем, что Пузырьков не менее (а то и более) талантливый писатель, чем он? Или с тем, что имел место гнусный подлог? Отринув первую версию, Геша лихорадочно пытался найти хоть какие-нибудь подтверждения второй, но, к своему ужасу, не находил. До сегодняшнего дня никто, включая его самого, понятия не имел, что ему придет в голову мысль написать про Пузднецова, добавив в каталог героев Шайморданова плюс ряд вымышленных лиц. Когда Геша уходил, Лёня собирался продолжить рассказ объяснением, зачем Шайморданов пришел к Пузднецову. Вместо этого он в трех главах литературно изобразил детство, отрочество и юность Русла-

на, в меру пестря метафорами, не увлекаясь словоблудием, но привнеся в повествование изрядную долю вымысла. Как это может быть творением человека, только что задававшего вопросы, почему один лирический герой курит сигареты без никотина, а второй пьянствует с персонажами, не имеющими реальных прототипов?!

– Сам ты сука, – беззлобно огрызнулся Лёня. – Я тут, понимаешь, стараюсь, пишу до мозолей кровавых, сохраняю эту, как ее... стилистику, персонажей твоих вылизываю, как корова телка новорожденного. И что получаю взамен? Суку? Обижаешь ты меня, Гешка.

– Вон отсюда! – мигая нервным тиком, рявкнул Друзилкин, указывая на дверь трясущимся пальцем. Его уязвленное честолюбие в неравной борьбе победило чувство здравого смысла. – Никому не позволю надо мной измываться!

– Да пошел ты, – Пузырьков сплюнул на плешистый паркет и, поднырнув под вытянутую руку Геши, которой он указывал на дверь, вышел вон.

«Вот ведь сука какая!» рассудок Друзилкина кипел, «я за порог, а он! Пригрел змею на груди. Ну ничего, мы еще посмотрим, кто кого». Словно в горячке, Геша метался по комнате, комкая и разбрасывая исписанные другом листы. Проведя в таких трудах с полчаса, Друзилкин умаялся и, тяжело дыша, присел на краешек стола. «Порву. И сожгу» решил Геша, обводя разгром в комнате взором боевого генерала, оглядывающего поле минувшего сражения. Последние силы

Друзилкин потратил на сбор разбросанных бумажек, после чего, не раздеваясь, завалился на кушетку, оставив разрывание и сжигание на утро

Ночью Гешу мучили кошмары. Друзилкину снилось, что Лёня Пузырьков связал его по рукам и ногам, воткнул в вену иглу с прозрачной трубочкой, ведущей к помпе, и выкачал всю кровь в большую чернильницу. Обескровленный Геша по сюжету сна не умер, и продолжал следить за происходящим. Лёня поставил наполненную кровью чернильницу на письменный стол, достал из-за уха белоснежное гусиное перо и лукаво улыбнулся. Чернила – кровь писательства, пояснил он и обмакнул кончик пера в чернильницу. Рядом с Лёней возник Шайморданов – с козлиной бородкой и рожами. Давай, записывай, я сейчас расскажу, как все было на самом деле, сказал Руслан, не обращая на Гешу внимания. Я появился на свет в ту минуту, когда дух Генерального Секретаря... – продиктовал Шайморданов, и Лёня, высунув язык от усердия, принялся скрипеть пером, записывая его слова кровью Друзилкина на измятом желтом листе вощенной бумаги.

Утром Геша проснулся не выспавшимся, с большой головой и сухостью во рту. Приготовив все необходимое для сожжения рукописей – оцинкованное ведро, бутылочку с керосином и спички, Друзилкин передумал. По зрелом размышлении, он решил, что написанные Пузырьковым главы слиш-

ком хороши, чтобы их уничтожать. Все равно ничего лучше он про Шайморданова не вспомнит и не придумает. Продолжу с того момента, на котором остановился Лёня, подумал Геша. Доведу дело до конца, покажу ему, как творит настоящий мастер. Тогда посмотрим, кто тут культовый писатель, а кто дерьмо собачье. С этими мыслями, забыв о своей привычке завтракать по утрам, Друзилкин приступил к работе.

10. Проклятье

...она двинулась к своей норе и, остановившись на пороге, задрала платье, нижнюю юбку и сорочку по самые подмышки и показала зад. Увидевши это, Панург сказал Эпистемону: – Мать честная, курица лесная! Вот она, сивилина пещера!

Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

– Какая помощь? – Пузднецову внезапно показалось, что он задал вопрос слишком наглым тоном и без должного почтения – после глотка чая мысли Ильи немного прояснились. Только сейчас до него по-настоящему дошло, кто сидит напротив него, и что это не сон.

– Илюшенька, будь добр, ебальничек попроще сделай, – от вида перепуганного Пузднецова широкие скулы Руслана свела неприятная судорога. Закурив очередную псевдо сигарету и убедившись в том, что Пузднецов его слышит и пони-

мает, Шайморданов, четко выговаривая каждое слово, произнес: – Спрашиваешь, что меня привело к тебе? Я расскажу. История непростая, так что слушай внимательно и не перебивай. Будут вопросы – потом задашь.

Несколько дней назад я как следует закинулся и поехал с корешками в «Венецию». Это ресторан такой, может знаешь? Неподалеку от плешки. Это по-пацански площадь трех вокзалов. Еще раз перебьешь – извини, я предупреждал. Ничего так ресторанчик на первый взгляд: фрески-хуески там всякие, арки с лопухами, маски карнавальные, официантки в париках и белых чулках – одну за жопу ущипнул, так визжала, будто ей анус нашампурили по перворазью. Водочки заказали, макарон под это дело, пельменей с креветками. Сидим, культурно отдыхаем. Тут Сяпля, ну Владик Сяпунов, ты его знаешь, говорит: «Че-то пельмени больно мятой воняют. Видать, бля, креветки стухли, вот они, суки, амбре и отшибают». Принюхались к пельменям – реально мятой несет, ебановрот. Я так спокойно подзываю козу эту визгливую, говорю, повара сюды. Приходит шеф-повар, Пиздо бля Пальма, макаронник сраный. Сяпля ему миролюбиво так: «Признавайся, мразь, нахуя тухлятину в пельмени захуярил? Кого, падла, наебать хотел?». Пальма zenки выпучил и ну на своем итальянском гнать – «лашате ми кантаре, равиоли муча густа». Сяпля ему намекнул, чтоб он перед пацанами не выебывался и по-русски отвечал. Хуйнаны – Пальма как пиздаболил по-свойски, так и продолжил, только граблями

еще сильнее размахался. Тут уж я не выдержал. Руками не маши, клоун ебанный, говорю. Отвечай, когда тебя по-хорошему спрашивают. Ща я его по хрюкоталу приложу, вмиг поймет, говорит Сяпля и уже рукава пиджака закатывает. Ну правильно, за конкретно поставленный базар отвечать нужно. Тут Валя влезла: «Чего до человека доебались? Ему какие продукты дали, из таких и приготовил». Я: «Базара нет. Только я за гавно платить не буду». Сяпля успокоился чуток, рукава назад раскатал и повару лыбится. Иди, говорит, нахуй, макака, мы сегодня добрые. Пальма съебался, мы водочку добили и тоже к выходу потопали. Тут, откуда ни возьмись, появился вртебись – четыре мордоворота в костюмах черных и с табличками «администратор» на лацканах. Молодые люди, говорят, не забудьте оплатить счет за посещение нашего чудесного ресторантуса. Сяпля им: «С хуя ли? За пельмени ваши падальные? Идите повару своему мозги ебите». Ребята оказались профессиональные, из ментов видать, – Валю за дверь выставили, а меня с Сяплей вверх тор-машками как буратин вздернули, вытряхнули и по почкам настучали – мы даже пукнуть не успели. Ладно, думаю, парни, мы с вами еще похихикаем. Слыханное ли дело, чтоб меня в ресторане мусора бэушные отпинали? Можно сказать, я им даже посочувствовал, телкАм неразумным – останутся их детишки без кормильцев. Короче, выкинули нас с черного хода – костюмы грязные, почки болят – аж ссать кровью тянет, бабла нет, даже мобильники потроха сучьи стянули. До-

ковыляли до парадного входа – Вали и след простыл. Я послал Сяплю чайника ловить – приходит через десять минут: «Эти хуи деньги вперед требуют». Зеленоглазое, блядь, такси. Вобщем, вечер не удался. Усугублять чего-то не захотелось. Поэтому пошарили по карманам, наскребли кое-какой мелочи. Сяпля сказал, что ровно на одну поездку на метрополитене имени Ленина, ебать его лысый череп, выходит. А ля гер ком аля гер, говорю, Сяпля, пойдешь домой на своих двоих, а я, пожалуй, в андеграунде проедусь – романтика.

Подхожу, значит, к входу на Комсомольскую. Чё там твориться – пиздец во время чумы полный. Картина Страшного Суда: народу толчется до ебениматери, мат-перемат стоит, мужики с огромными тюками туда-сюда снуют, бомжи толпами на солнышке гниют, блевотиной какой-то забродившей воняет, мусора патрулями в этом дерьмище рассекают. Я мимо всего светопреставления бочком протискиваюсь, чтоб до кассы не сильно перемазавшись добраться и обилетиться. Тут меня кто-то за штанину хватъ. Я хотел по привычке с ноги не глядя уебать, но что-то меня остановило. Голову поворачиваю – сидит возле окошечка кассы старикашка, газету под жопу подложил, бельмами сверкает и лыбится в три зуба – от вида его меня аж дрожь взяла. Извини, говорю, отец, у самого в кармане вша на аркане. А про себя думаю, с чего я вдруг так всполошился? Мало ли шваль какая привокзальная тут отирается, что ж я себя как первоклассник перед еблей чувствую. Дед молчит, только знай себе меня глазками

своими молочными буравит. Я ему: уважаемый, я, с вашего позволения, сейчас билетик куплю и не буду больше вам свет загораживать, штанину только отпустите. А в мозгу крутится «нихуя себе, уважаемый! Чего ж стремно-то так?». Старик вроде как понял, о чем я ему толкую, и штанину из клешней выпустил. Я прямо облегчение испытал, калосральное. Полез в карман за грошиками, чтоб тетке по ту сторону окошка сунуть, тут из-за спины, как гром с ясного неба: «ЖЭТЭБЭ-КАСД». Поворачиваюсь – сидит дед на том же месте, как ни в чем не бывало, ухмыляется. Простите, вы что-то сказали? спрашиваю я, и сам над собой охуюваю. И тут такая шняга случилась, что я реально чуть не обосрался. Я будто взлетел к потолку, как шарик надувной, завис над турникетами и вниз смотрю. Вижу, народ возле касс толкается, шумит, течет к эскалаторам, а на меня все ноль внимания. Смотрю, возле одного окошка вроде кто-то знакомый маячит. Пригляделся – е-мое, это ж я сам, а возле ног моих старик слепой на газетке сидит. И сквозь шум толпы до меня слова разговора долетают. Не поверишь, я такого ни под коксом, ни под герычем не ловил – разговор этот между мной, тем, что на полу остался, и дедом. А я, тот, что под потолком болтается, все со стороны слышу и вижу.

– Простите, вы что-то сказали? – Руслан выглядел испуганным, что само по себе более чем странно. Любой, знающий Руслана человек, плюнул бы вам в лицо, скажи вы ему, что Шайморданова можно напугать.

– Нет, Русланушка, это ты сказал, – мягким, словно попросшим мхом, голосом ответил старик, не прекращая улыбаться. – Никак забыл свое первое словцо?

– Нет, не забыл, – ошарашенный Шайморданов с точностью до мельчайших подробностей вспомнил, как произнес первое в своей жизни слово. Перед глазами возник дедушка Рашид, хватающийся за карандаш, чтобы записать то, что сказал внук. Мама с беспокойством смотрит на мужа, будто ищет у него поддержки. Отец этого не замечает, он радостно смеется – наконец-то его сын заговорил. Дедушка торжественно водружает на переносицу очки, чтобы прочитывать то, что он записал минуту назад...

– Хорошо, что помнишь, – слепец перебил поток воспоминаний Руслана. – О таком забывать не следует.

– ЖэТэБэКАСД... – чувствуя себя как во сне, проговорил Руслан. Его взгляд встретился с незрячим взором старика. – Что это значит?

– А говоришь, что помнишь, – Шайморданову показалось, что старик ему лукаво подмигнул. – Сам себе напророчил, и сам же не понял. А-я-яй. Дедушка Рашид сразу догадался, как твой детский лепет понимать.

– Жизнь Твоя Будет Короткой, А Смерть Долгой, – еле шевеля губами, прошептал Руслан.

– Вот именно! Молодец! – воскликнул старец. – Это слова древнего восточного проклятья. Мой юный друг, едва открыв рот, ты проклял сам себя и всех, кому не посчастли-

вится оказаться рядом с тобой.

– Проклял сам себя? – впервые в жизни Руслан чувствовал себя потерянным и беспомощным.

– Да, это проклятье постигнет любого наркомана, если он вовремя не одумается. Тебе же одуматься не суждено, – старик посуровел, – по крайней мере, пока в тебе живет Шайтан.

– Я не наркоман, и во мне никто не живет, – голос Руслана был настолько слаб и звучал так неуверенно, что он возненавидел себя.

– Я отправил твоего Шайтана немного полетать, – старик хитро прищурил слепые глаза и усмехнулся. – Чтоб он в наш с тобой разговор не вступал.

– Что... – начал было Руслан, но подняв глаза осекся на полуслове – над его головой, под самым потолком, тупо плясая вниз, парил точно такой же Шайморданов.

– Он почти такой же, как и ты, – ответил старик на незадаанный вопрос. – Во всяком случае, не лучше и не хуже, разве что сквернословит без меры. Не в нем сосредоточено все твое зло. Не на его совести все смерти, боль и страдания, пришедшие в мир с твоим появлением. Даже не он толкнул тебя на встречу наркотикам.

– Так почему же тогда он Шайтан? – с трудом понимая смысл сказанного стариком, спросил Руслан и попытался прикинуть, не перебрал ли он с дозой перед поездкой в ресторан.

– Не нравится имя? Пусть будет не Шайтан, а, скажем, Зелибоба – сути это не меняет. Он – чужой дух, обитающий в твоём теле, – старик задрал голову и помахал рукой болтающемуся под потолком двойнику Руслана. – Зелибоба живет в тебе с момента твоего зачатия. Вы сроднились настолько, что даже в разделенном состоянии, то есть сейчас, мыслите примерно одинаково. Я мог бы отправить на прогулку тебя и поболтать с ним, но это было бы не честно по отношению к тебе. Все-таки он чужак, оккупант, хоть и не по своей вине.

– Откуда во мне взялся э... Зелибоба? – количества употребленных субстанций, понял Руслан, на такую качественную галлюцинацию не хватило бы.

– Вот смотри, – старик с ловкостью фокусника одной рукой выхватил из воздуха сдутый воздушный шарик небесно-голубого цвета, а другой – две высушенные горошины. – Иногда случается так, что одну яйцеклетку оплодотворяют одновременно два сперматозоида. Знаешь, что тогда получается? Слепец разлепил посыпанный тальком сосок шарика и засыпал горошины внутрь.

– Близнецы? – неуверенно проямлил Руслан.

– Именно! – старик, демонстрируя мощь своих легких, с одного выдоха надул шарик до внушительных размеров и перекрутил сосок, чтобы воздух не выходил. – Однойяйцовые.

– О, – Руслан, как зачарованный, следил за шариком, пляшущим в руках старика.

– Когда сперматозоид оплодотворяет яйцеклетку, появля-

ется новое существо – зигота, – сверкая бельмами, старик потряхнул шариком так, что горошины внутри него, как показало Шайморданову, зазвенели. – Стоит появиться зародышу, как его в тот же момент оплодотворяет душа. Появляется очередное новое существо – человек. Но с душами все несколько сложнее. Если в тело человека по стечению обстоятельств попадает две души, близнецов на свет не рождается. Количество душ во вселенной строго ограничено, поэтому, если кому-то досталось две, кому-то не достанется ни одной.

– И?

– И! – старик вскочил на ноги и с глухим звуком стукнул Руслана надутым шариком по голове. – В тебя, как в этот шарик, залетело две горошины, то есть души. Поэтому во всех делах тебе сопутствует двойная удача. Два ангела-хранителя оберегают тебя – простая арифметика. Но закон сохранения или, как я его называю, правило нормо-часов действует безотказно. Если ты можешь выпить бутылку за полчаса, то с приятелем – таким же любителем заложить за воротник, как ты, – бутылка опустеет как минимум в два раза быстрее. Понял?

– Мои ангелы-хранители выпивают на двоих? – предположил Руслан.

– М-да, неудачный пример, – старик на секунду задумался. – Ничего толкового в голову не идет. Ладно, допустим, что ты бежишь в два раза быстрее, чем все остальные. Прямым следствием этому будет то, что и к финишу ты прибу-

дешь в два раза раньше. Теперь усек?

– Нет, – честно признался Шайморданов.

– Склеишься ты четко посередине отмеренной жизни, – наплевав на политкорректность, выдохнул дед, начиная терять терпение. – А если уж быть совсем точным, то сторчишься. Всему, знаешь ли, своя цена. И, коль скоро мы с тобой говорим о душах, то это не тот материал, про который можно сказать «оптом дешевле» или «две штуки по цене одной».

– Что же мне делать? – до Руслана мучительно медленно, спотыкаясь и падая на каждом шагу, начал доходить смысл сказанного стариком. – Ну, чтобы не сторчатся.

– Прекратить употреблять наркотические препараты – для начала в слоновьих дозах, позже – вообще, – дед хлопнул в ладоши и шарик исчез так же внезапно, как появился. – Только у тебя ничего не получится, пока ты не избавишься от Зелибобы. А точнее, не вернешь его тому бездушному неудачнику, которому Зелибоба предназначался.

– Кому? Как? – Руслану показалось, что вместе с отделившимся от него двойником из головы исчезла половина серого вещества – настолько тупым Шайморданов себя еще никогда не чувствовал.

– Кому, могу подсказать, если сам не догадываешься, – дед снова устроился на мятых газетах. – А вот как – это уже тебе самому придется придумывать.

– Дедушка, подскажи, ну пожалуйста, – Руслан чуть не

плакал. Беспомощность перед лицом приближающейся безвременной кончины породила дрожь в коленках, сосущее чувство под ложечкой и металлический привкус во рту.

– Не хнычь, – строго прикрикнул на Шайморданова слепец. – Здоровый бугай, а разнюнился хуже девки. Зелибоба должен был очутиться в твоём бывшем подельнике – Пузденцево. Помнишь, как по твоей указке ему чуть шею не слома-ли? Вижу, помнишь. Если бы он умер, то разговаривать бы нам с тобой не пришлось – нет человека, нет проблем. Ты бы его не надолго пережил и поделать тут уже ничего было бы нельзя. Так что действуй, если, конечно, жить охота. Удачи тебе не желаю – не зависит она от моих пожеланий. Прощай.

– Дедушка, подожди! – переходя на визг крикнул Руслан, упав на колени и схватив старика за плечи.

– Ну, чего тебе еще? – дед брезгливо поморщился и аккуратными, но уверенными движениями, отделался от объятий Шайморданова.

– Как ты с белыми глазами все видишь?

– А... гхм... – старик на секунду задумался, после чего скороговоркой пробормотал что-то вроде «разговор душев-ный, да собеседник не кошерный», кашлянул в кулак, щелкнул пальцами и...

...меня как на такси с похмела укачало – то в жар, то в холод кидать стало, голова квадратная, блевать тянет. Глаза поднимаю – нет никого под потолком, опускаю – от старика хоть бы хуй остался. Ага, думаю, Зелибоба, значит, в меня

вернулся, а дед сдриснул под шумок. Я так прикинул, покумекал – ебать меня в рот, если такая хуйня может посреди дня без дозы твориться. А сам бочком-бочком, да съебался до дому побыстрей. Про себя решил, что это ресторанные говнюки мне дрянь какую-нибудь вкололи да мусоров по следу послали. Пару дней пройдет, думаю, забуду про эту хрень, как про хуев сон. И чё ты думаешь? Какое там, в пизду, забудешь! Слова козла этого белоглазого так иголками в мозгу и шиперятся. Даже когда на Вальке оттягиваюсь, все про ЖЭТЭБЭКАСД думаю. Не с проста я тогда под потолком бултыхался, не клина я с дедом словил – все правда, все было. Жопой чую, что старик меня наяву за штанину хватал и пиздеж его не порожняк беспонтовый. Сидит во мне Зелибоба сраный, толкает меня копытом в могилку. Чую и все тут. Вот я к тебе в гости и заглянул, на огонек.

Руслан всем своим видом показывал, что рассказ окончен и теперь он готов попытаться ответить на любой из миллиона вопросов, которые (по мнению Шайморданова) крутились на языке Пузднецова. Когда продолжительность паузы стала подбираться к границам приличия а тишина, повисшая на кухне из звенящей превратилась сперва с свистящую, а потом и в ревушую (как показалось Илье), Пузднецов наконец набрался сил и смелости, облизнул пересохшие губы пересохшим же языком, и просипел: – Да, надо же так... Действительно... Это да...

– Что? – Руслан побагровел, скрипнул зубами и хрустко

сжал кулаки. – Ты, что, сука, не слышал, что я сказа?

– Я слышал, слышал! – испуганно пискнул Илья и инстинктивно сжался на стуле, пряча лицо за руками. – У меня сейчас правда нет, честное слово. Вот мать зарплату получит, я тогда сразу...

– Заткнись, – скомандовал Шайморданов. Секунду назад он был готов разmozжить Пузднецову голову, но сейчас выглядел настолько спокойным, хладнокровным и сосредоточенным, что мог бы легко соперничать со статуей сфинкса. – Мне, в принципе, похуй, понял ты или нет, что я тебе рассказал. Главное, чтобы ты понял то, что я скажу сейчас. У меня есть нечто, принадлежащее тебе. Я очень хочу это нечто тебе вернуть. Ты окажешь мне в данном деле активнейшее содействие. За причиненное беспокойство можешь просить все, что пожелаешь.

– Все, что пожелаю, – кивая и по-рыбьи тараща глаза, повторил Пузднецов, искренне и абсолютно беспочвенно надеясь, что выглядит внимательным и понимающим.

– И чего же ты желаешь? – Шайморданов потянулся за очередной безвредной сигареткой, но нащупал лишь пустую пачку.

– Кто? Я? – Илья перестал кивать и немигающим взглядом уставился в невидимую Руслану точку, зависшую чуть выше его плеча.

– Да, братишка, видать хуево тебе без души приходится, – вздохнул Шайморданов, смял пустую пачку и выбросил ее в

распахнутую форточку.

11. Танцующий в темноте

...самое страшное в темноте – возможность наткнуться на мебель.

<http://laobc.narod.ru>

Написанной главой Геша, по большому счету, остался доволен. Стилистика соблюдалась, саспенс вроде как нагнетался. Персонажи вели себя хорошо, то есть жизненно. Ну, почти жизненно. Логика присутствовала, пусть и мистифицированная. Чем все это может закончиться, предугадать не смог бы никто. Включая меня, с горечью подумал Друзилкин, исчеркав с полсотни листов в безуспешной попытке написать достойное продолжение. Вдохновение и запал, с которым Геша на бумаге радостно матерился за Шайморданова и бездушно тупил за Пузднецова, неожиданно иссякли. Чувствуя себя творческим импотентом, раздраженно меряя шагами комнатенку, Геша чуть ли не рвал на себе волосы, ища хоть какую-нибудь сюжетную зацепку, потянув за которую можно дальше распутывать клубок повествования. Друзилкин даже схватился за ножницы, думая отхватить себе ухо на манер Ван Гога, и, таким образом, пробудить задремавшие творческие порывы, но передумал. Ограничился тем, что проткнул подушечку указательного пальца левой руки

иглой, выдавил искрящуюся брусничным светом капельку крови, размазал ее по чистому листу. Кровь высохла, сменив свой цвет с алого на буро-коричневый, и теперь напоминала скорее следы поноса на туалетной бумаге. Дерьмо, сокрушенно подумал Геша, вот тебе и «кровь – чернила писателя». Можно писать жидким говном, а всем говорить, что это кровь – фиг отличишь.

Как же вся эта кухня варится? Из чего же вырастает чудный цветок шедевра, когда вот так, на самом интересном месте случается прискорбный затык? – пытаюсь не позволить себе заикнуться, рассуждал Геша. – Не из личного опыта уж точно. На своих воспоминаниях я бы анекдота про армянское радио не придумал. А бывает, как напишешь строчку, перечитаешь – и сам удивляешься: ай да Геша, ай да сукин сын. Может быть, все мысли и идеи конденсируются где-то под куполом вселенной и периодически, то снегом, то дождем выпадают на головы людей? Росой серебрятся под ногами – нужно лишь знать или чувствовать срок, когда следует выйти с губкой и ведром? Печально, конечно, что настоящий творец всегда мельче своего произведения, ибо им движет снизошедшее откровение, а не стремление изложить себя. Но я и на это согласен, лишь бы продолжать писать. Лишь бы не задохнуться в душном закутке действительности...

Текущее отсутствие опыта и временный (в том, что на свете все временно, Геша не сомневался) дефицит вдохновения Друзилкин решил компенсировать, открыв себе окно в

мир. Где можно увидеть такие места, о существовании которых раньше и не догадывался? – спрашивал себя Геша. – Где можно услышать слова интереснейших из современников, людей всевозможных профессий, рас и возрастов? Где почерпнуть завязки для самых невообразимых сюжетов? Как прикоснуться к мудрости веков или узнать, что твориться в мире прямо сейчас? Как опуститься в те подводные глубины, куда не доходит ни одного лучика солнца, или вознестись в такие выси, о которых не может мечтать ни одна птица? Очень просто! Включи телевизор. По крайней мере, большинство Гешиных знакомых проводили время, плясая в цветущие кинескопы. Придя к такому выводу, Друзилкин разбил свинью-копилку, которую от зарплаты до зарплаты прятал в сливном бачке унитаза, обернув в три полиэтиленовых пакета и туго перемотав изолентой. Взяв достаточную по его разумению сумму, Геша направился в ближайший магазин бытовой техники и электроники. Цены на телевизоры Друзилкина повергли в легкое оцепенение, стряхнув которое он поинтересовался у продавца о возможности приобретения необходимого чуда техники в рассрочку. Лучезарно улыбаясь, продавец направил Гешу к представителю банка, который сидел за аккуратной партой тут же в торговом зале. Узнав размер Гешиной зарплаты и срок, в который он планирует погасить вожаделенный кредит, банковский клерк с улыбкой, точь-в-точь повторяющей оскал продавца, посоветовал Друзилкину убираться подобра-поздорову, пока он

не вызвал охрану или неотложку – по желанию несостоявшегося клиента. Вняв совету, Геша, угрюмо отметив про себя необходимость как-нибудь ночью разбить пару-другую витрин магазина, покинул электро-бытовой рай. Отчаявшись открыть окно в мир, Геша внезапно вспомнил, что сегодня воскресенье. В этот день возле старого сгоревшего кинотеатра «Зурбаган» полубомжеватые личности традиционно организуют толкучку, на которой он не раз по сходной цене (как правило, кратной стоимости одной бутылки водки «РУССКАЯ» в подвале неподалеку) приобретал самые фантастические вещи, типа американского граммофона конца 19-го века с коллекцией пластинок Вертинского, лошадиного противогаза времен первой мировой войны, никогда не издававшегося диска «Zoo Loop? A!» группы «The KroT», медной каски пожарного с выгравированной летящей надписью «на работе не горим – сутки жарим, трое спим» или первого издания «Доктора Живаго» в приклеенной к корешку мягкой обложке от Набоковской «Лолиты». К развалу Друзилкин пришел (если быть до конца честным, то прибежал) окрыленным предчувствием близкой удачи. Странно это или нет, но радостное предчувствие Гешу не обмануло. Практически сразу его жадно блуждающий взгляд выхватил из груд барахла, разложенного на складных столиках, газетках или на голой земле, знакомые очертания вожака ящика с выступающим округлым брюшком кинескопа. Геша представил себе, как подключает телевизор к сети электропитания,

бережно вводит штекер антенны в разъем, стыдливо притаившийся на задней панели, нежно нажимает на заветную истертую кнопку, и – о чудо! – мутно-серый, мертвенно-слепой глаз оживает, обретает осмысленность и уносит его в волшебную страну, где обрести вдохновение сможет не тупой зажавшийся обыватель, но он – великолепный мастер слова Геша, чьему таланту и требуется-то сущая малость, чтобы расцвести буйным цветом – несколько капелек свежей информационно-визуальной крови. Увидев эту картину, Друзилкин поклялся, что без телевизора толкучку не покинет. Пяти минут переговоров с морщинистой бородатой старухой в платке, расшитом алыми маками, и с такими же глазами, хватило, чтобы Геша, лишившись большей части сбережений, но счастливо утяжеленный телевизором, чуть не прыгая от радости, мелкими перебежками отправился восвояси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.